

4-е издание.

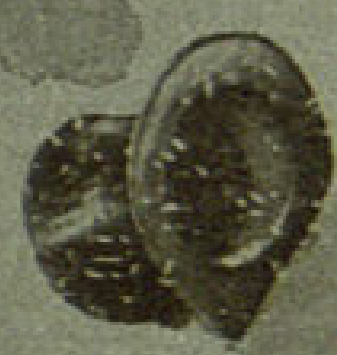

ШИНЕЛЬ.

Повѣсть Н. В. Гоголя.

съ рисунками

Морис Арнольд

Изданіе А. Ф. Маркса.

СПЕТЕРБУРГЪ.

Цѣна 8 коп., въ палкѣ—12 коп.

Изданія А. Ф. МАРКСА, СПБ., улица Гоголя, 22.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Ант. П. ЧЕХОВА

ВЪ ДЕСЯТИ ТОМАХЪ in 8°.

Томы: I, II, III, IV, V, VI, VIII и IX—„Разказы“; т. VII—„Пьесы“; т. X—„Островъ Сахалинъ“. (Изъ путевыхъ записокъ).

Изящно изданныя книги, отпечатанныя на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ, въ 8-ю л. л. СПБ. 1900—1902 гг.

Цѣна каждаго тома по 1 р. 50 к., съ перес. по 1 р. 75 к.; въ красивомъ коленк. переплетѣ—по 2 р., съ перес.—по 2 р. 30 к.

Имѣются также въ продажѣ слѣдующія 3 отдѣльныя изданія „пьесъ“ А. П. Чехова по цѣнѣ съ пересылкою:

- 1) „ТРИ СЕСТРЫ“. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Цѣна 60 к., лучшее изданіе—75 к.
- 2) „ДЯДЯ ВАНЯ“. Сцена изъ деревенской жизни въ четырехъ дѣйствіяхъ. Цѣна 50 к.
- 3) ТРИ ПЬЕСЫ: «Свадьба». Сцена въ 1 дѣйствіи.—«Юбилей». Шутка въ 1 дѣйствіи.—«Три сестры». Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Цѣна 75 к.

Послѣднее изданіе—для лицъ, приобрѣвшихъ „Пьесы“ А. Чехова (VII томъ) въ первомъ изданіи, въ которое эти три пьесы не вошли.

ПОДВИЖНЫЯ ИГРЫ.

Руководство для родителей, воспитателей и самихъ учащихся.

Составилъ руководитель игръ Тенишевскаго училища и гимназіи Гуревича

П. Н. БОКИНЪ.

Съ 81 рисункомъ.

Въ настоящемъ руководствѣ авторъ приходитъ на помощь какъ родителямъ, такъ и самимъ учащимся молодымъ людямъ своими двадцатилѣтними наблюденіями и трудами по подвижнымъ играмъ, а также знакомствомъ съ постановкой этого вопроса во Франціи и Германіи.

Въ книгѣ П. Н. Бокина приведены только игры, проверенныя на практикѣ и оказавшіяся достаточно жизненными, интересными и легко усвояемыми.

Подробно разработанныя игры, съ ясно выраженными, съ строгимъ соблюденіемъ точности названій, правилами, распадаются соотвѣтственно тѣмъ движеніямъ, какія требуются отъ играющихъ, на три большіе отдѣла; при этомъ въ каждомъ отдѣлѣ, въ свою очередь, простыя игры съ легкими и неустомительными движеніями смѣняются болѣе сложными и трудными. Первый отдѣлъ составляютъ простыя игры, основанныя только на бѣганіи и прыганіи. Во второмъ отдѣлѣ указаны уже болѣе сложныя игры съ шарами и палками, позволяющія больше разнообразить движенія играющихъ и требующія, помимо бѣга, также метанія, нанесенія ударовъ и т. д. Наконецъ третій отдѣлъ даетъ игры съ мячомъ, требующія отъ играющихъ весьма разнообразныхъ и сложныхъ движеній; въ концѣ же отдѣла помѣщены сложныя атлетическія игры, требующія отъ играющихъ подчасъ весьма сильнаго физическаго и нравственнаго напряженія.

При описаніи мѣста игры и расположенія играющихъ, помѣщены соотвѣтствующіе чертежи и рисунки, а для выясненія какого-нибудь новаго приѣма или новаго положенія въ игрѣ, текстъ сопровождается фотографическими снимками съ природы.

Изящно изданная книга in 8°, въ 346 стр., отпечатана на хорошей бумагѣ красивымъ шрифтомъ. СПБ. 1902 г.

Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній „Подвижныя игры“ рекомендованы, какъ пособіе, для руководителей играми въ кадетскихъ корпусахъ.

Учебнымъ Отдѣломъ М-ва Финансовъ одобрены для приобрѣтенія въ ученическія и фундаментальныя бібліотеки коммерческихъ учебныхъ заведеній Вѣдомства М-ва Финансовъ.

Ученымъ Комитетомъ М-ва Земледѣлія и Госуд. Имуществовъ допущены въ бібліотеки учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ М-ву.

Цѣна книги, въ папкѣ съ коленк. корешкомъ,—2 руб., съ перес. 2 руб. 30 коп.

ШИНЕЛЬ.

Повѣсть Н. В. Гоголя.

СЪ РИСУНКАМИ

Михаил Врубелъ

ИЗДАНИЕ А. Ф. МАРКСА.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

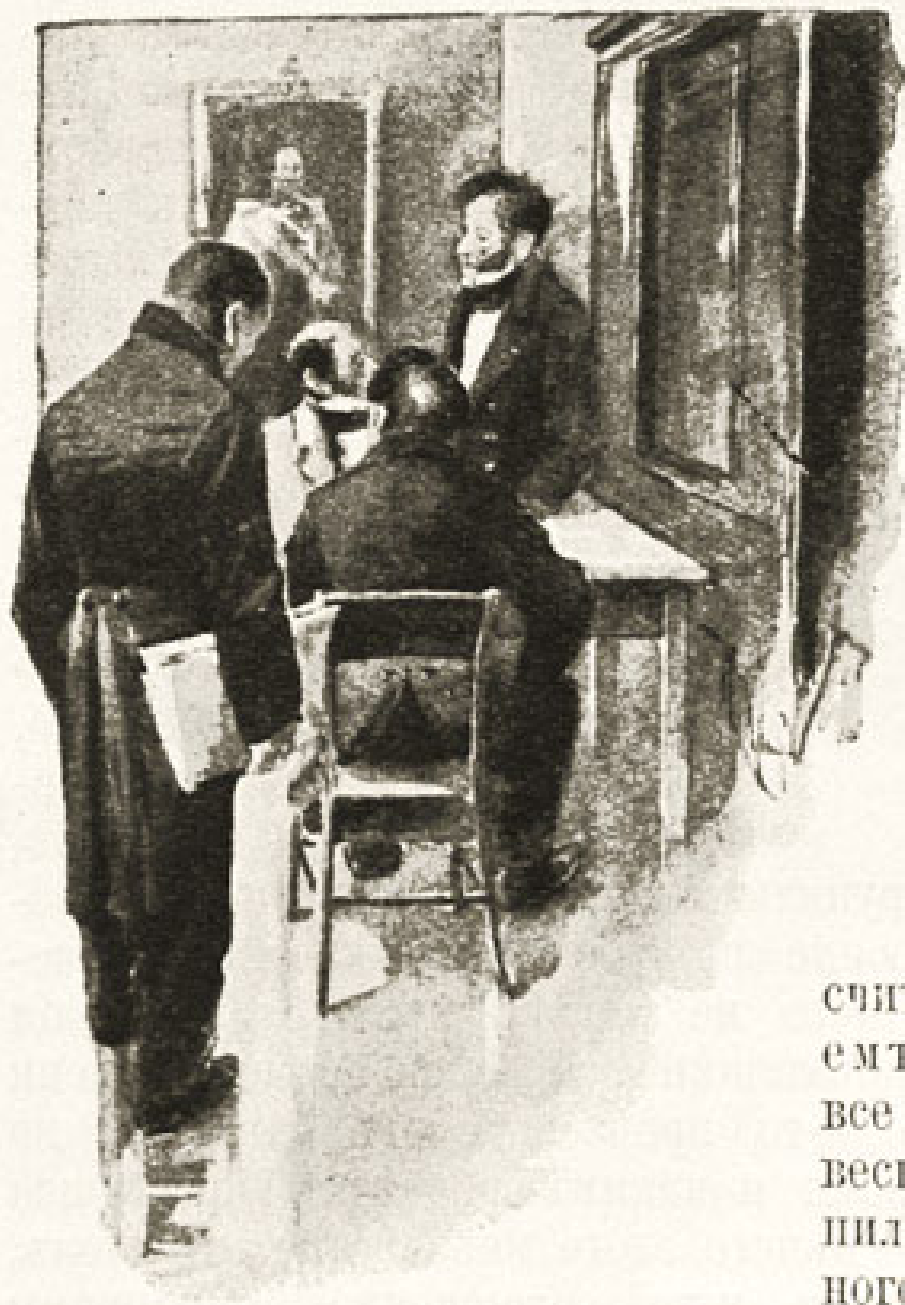
Дозволено цензурою, 3 іюля 1903 г. С -Петербургъ.

Артист. зав. А. Ф. МАРКСА, Измайловскій просп., 29.

ШИНЕЛЬ.

Въ департаментѣ... но лучше не называть, въ какомъ департаментѣ. Ничего нѣтъ сердитѣе всякаго рода департаментовъ, полковъ, канцелярій и, словомъ, всякаго рода должностныхъ сословій. Теперь уже всякій частный человѣкъ

считаетъ въ лицѣ своемъ оскорбленнымъ все общество. Говорятъ, весьма недавно поступила просьба отъ одного капитанъ-исправ-

ника, не помню, какого-то города, въ которой онъ излагаетъ ясно, что гибнутъ государственныя постановленія, и что священное имя его произносится рѣшительно всуе; а въ доказательство приложилъ къ просьбѣ преогромнѣйшій томъ какого-то романтическаго сочиненія, гдѣ, чрезъ каждыя десять страницъ, является капитанъ-исправникъ, мѣстами даже совер-

шенно въ пьяномъ видѣ. Итакъ, во избѣжаніе всякихъ непріятностей, лучше департаментъ, о которомъ идетъ дѣло, мы назовемъ *однимъ департаментомъ*. Итакъ, въ *одномъ департаментѣ* служилъ *одинъ чиновникъ*, — чи-

новникъ, нельзя сказать, чтобы очень замѣчательный: низенькаго роста, нѣсколько рябовать, нѣсколько рыжеватъ, нѣсколько даже на видъ подслѣповать, съ небольшою лысиною на лбу, съ морщинами по обѣимъ сторонамъ щекъ и цвѣтомъ лица, что называется, геморроидальнымъ... Что-жь дѣлать! виноватъ петербургскій климатъ. Что касается до чина (ибо у насъ прежде всего нужно объявить чинъ), то онъ былъ то, что называютъ вѣчный титулярный совѣтникъ, надъ которымъ,

какъ извѣстно, натрунились и наострились вдоволь разные писатели, имѣющіе похвальное обыкновеніе налетать на тѣхъ, которые не могутъ кусаться. Фамилія чиновника была Башмачкинъ. Уже по самому имени видно, что она когда-то произошла отъ башмака; но когда, въ какое время и какимъ образомъ произошла она отъ башмака, — ничего этого неизвѣстно. И отецъ, и дѣдъ, и даже шуринъ, и всѣ совершенно Башмачкины ходили въ сапогахъ, перемѣняя только раза три въ годъ подметки. Имя его было Акакій Акакіевичъ. Можетъ-быть, читателю оно покажется нѣсколько страннымъ и высканнымъ, но можно увѣрить, что его никакъ не искали, а что сами собою случились такія обстоятельства, что никакъ нельзя было дать другого имени, и это произошло именно вотъ какъ. Родился Акакій Акакіевичъ

противъ ночи, если только не измѣняетъ память, на 23 марта. Покойница-матушка, чиновница и очень хорошая женщина, расположилась, какъ слѣдуетъ, окрестить ребенка. Матушка еще лежала на кровати противъ дверей, а по правую руку стоялъ кумъ, превосходнѣйшій человекъ, Иванъ Ивановичъ Ерошкинъ, служившій столоначальникомъ въ сенатѣ, и кумà, жена квартального офицера, женщина рѣдкихъ добродѣтелей, Арина Семеновна Бѣлобрюшкова. Родильницѣ предоставили на выборъ любое изъ трехъ, какое она хочетъ выбрать: Мокія, Соссія, или назвать ребенка во имя мученика Хоздзата. «Нѣтъ», подумала покойница, «имена-то все такія». Чтобы угодить ей, развернули календарь въ другомъ мѣстѣ — вышли опять три имени: Трифилій, Дула и Варахасій. «Вотъ это наказаніе!» проговорила старуха: «какія все имена! Я, право, никогда и не слыхивала такихъ. Пусть бы еще Варадатъ или Варухъ, а то Трифилій и Варахасій». Еще перевертели страницу — вышли: Павсикахій и Вахтисій. «Ну, ужъ я вижу», сказала старуха: «что, видно, его такая судьба. Ужъ если такъ, пусть лучше будетъ онъ называться, какъ и отецъ его. Отецъ былъ Акакій, такъ пусть и сынъ будетъ Акакій». Такимъ образомъ и произошелъ Акакій

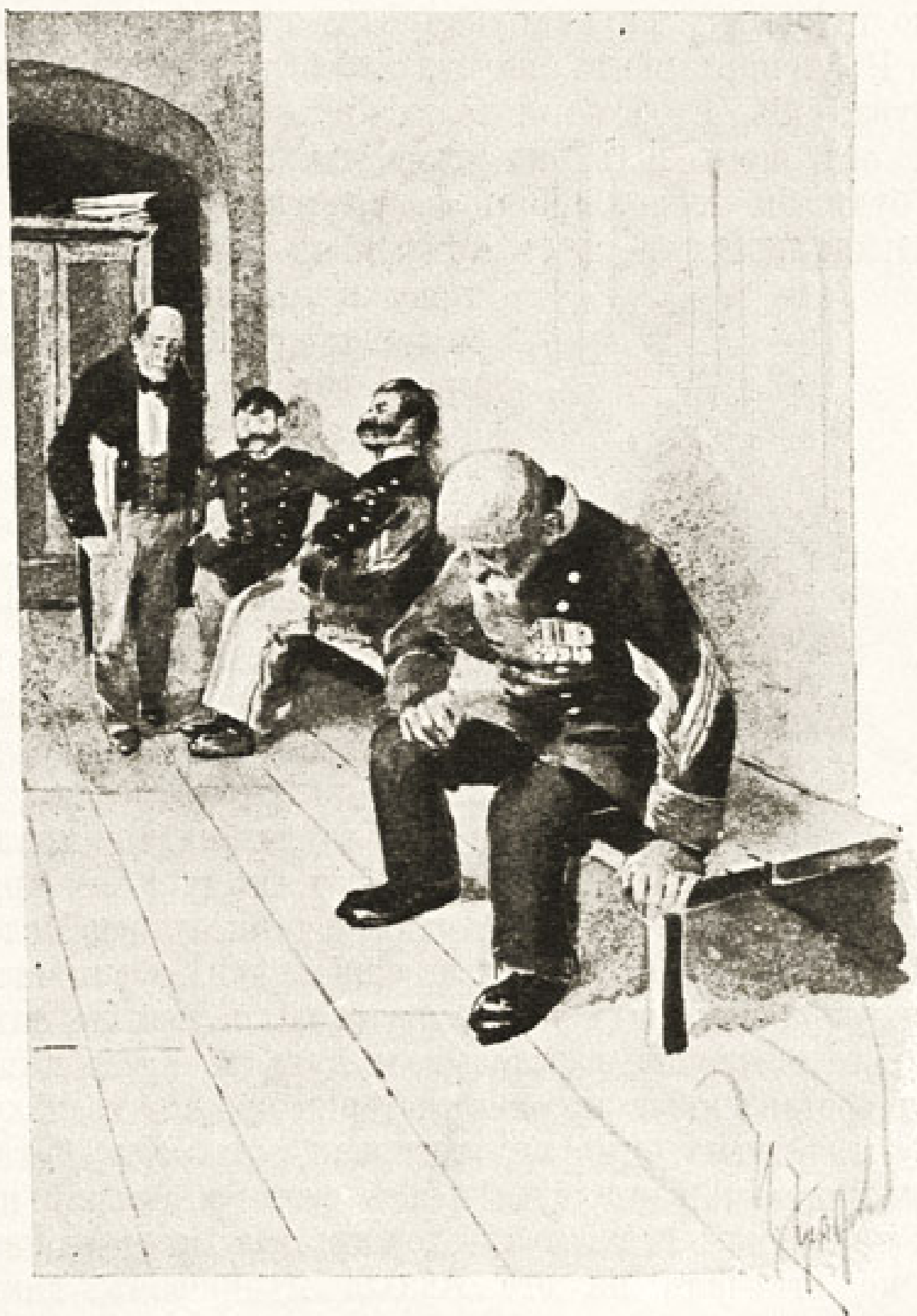
мѣстѣ — вышли

Акакіевичъ. Ребенка окрестили, при чемъ онъ заплакалъ и сдѣлалъ такую гримасу, какъ будто бы предчувствовалъ, что будетъ титулярный совѣтникъ. Итакъ,

вотъ какимъ образомъ произошло все это. Мы привели потому это, чтобы читатель могъ самъ видѣть, что это случилось совершенно по необходимости и другого имени дать было никакъ невозможно. Когда и въ какое время онъ поступилъ въ департаментъ и кто опредѣлилъ его, этого никто не могъ припомнить. Сколько ни перемѣнялось директоровъ и всякихъ начальниковъ, его видѣли все на одномъ и томъ же мѣстѣ, въ томъ

же положеніи, въ той же самой должности, тѣмъ же чиновникомъ для письма, такъ что потомъ увѣрились, что онъ, видно, такъ и родился на свѣтъ уже совершенно готовымъ, въ вицмундирѣ и съ лысиной на головѣ. Въ департаментѣ не оказывалось къ нему никакого уваженія. Сторожа не только не вставляли съ мѣстъ, когда онъ проходилъ, но даже не глядѣли на него, какъ будто бы черезъ пріемную пролетѣла простая муха. Начальники поступали съ нимъ какъ-то холодно-деспотически.

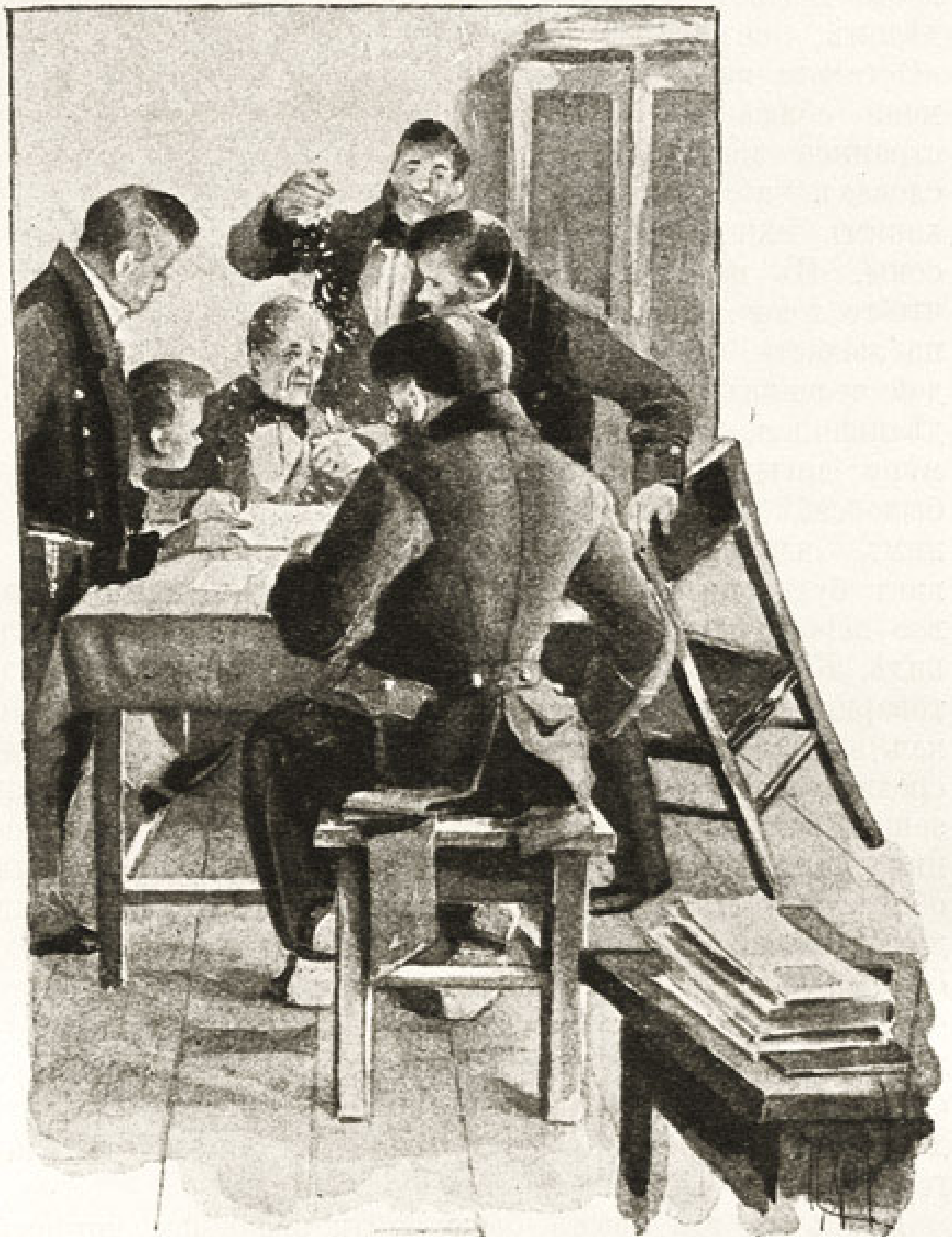
Какой-нибудь помощникъ столоначальника прямо соваль ему подъ носъ бумаги, не сказавъ даже: «Перепишите», или: «Вотъ интересное, хорошенькое дѣльце», или что-нибудь пріятное, какъ употребляется въ благовоспитанныхъ службахъ. И онъ бралъ, посмотрѣвъ только на бумагу, не глядя, кто ему подложилъ и имѣлъ ли на то право; онъ бралъ и тутъ же пристраивался писать ее. Молодые чиновники подсмѣивались и острились надъ нимъ, во сколько хватало канцелярскаго остроумія, рассказывали тутъ же предъ нимъ разныя составленныя про него исторіи; про его хозяйку, семидесятилѣтнюю старуху, говорили, что она бьетъ его, спрашивали, когда будетъ ихъ свадьба, сынали на голову ему бумажки, называя это снѣгомъ. Но ни одного слова не отвѣчалъ на это Акакій Акакіевичъ, какъ будто бы никого и не было передъ нимъ. Это не имѣло даже вліянія на занятія его: среди всѣхъ этихъ докукъ онъ не дѣлалъ ни одной ошибки въ письмѣ.

Молодые чиновники подсмѣивались и острились надъ нимъ, во сколько хватало канцелярскаго остроумія, рассказывали тутъ же предъ нимъ разныя составленныя про него исторіи; про его хозяйку, семидесятилѣтнюю старуху, говорили, что она бьетъ его, спрашивали, когда будетъ ихъ свадьба, сынали на голову ему бумажки, называя это снѣгомъ. Но ни одного слова не отвѣчалъ на это Акакій Акакіевичъ, какъ будто бы никого и не было передъ нимъ. Это не имѣло даже вліянія на занятія его: среди всѣхъ этихъ докукъ онъ не дѣлалъ ни одной ошибки въ письмѣ.

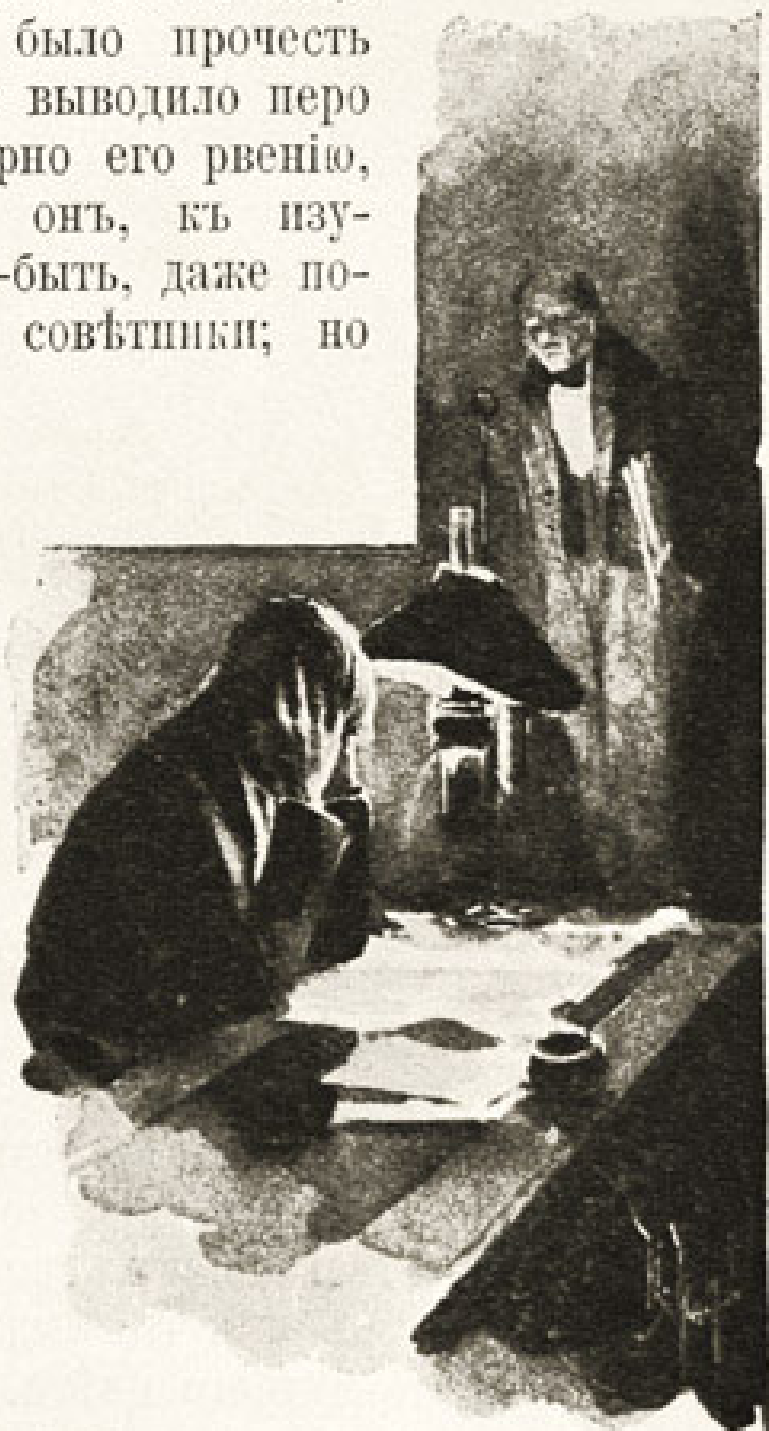
Только если ужь слишкомъ была невыносима шутка, когда толкали его подь руку, мѣшая заниматься своимъ дѣломъ, онъ произносилъ: «Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?» И что-то странное заключалось въ словахъ и въ голосѣ, съ какимъ они были произнесены. Въ немъ слышалось что-то токое, преклоняющее на жалость, что одинъ молодой человекъ, недавно опредѣлившійся, который, по примѣру другихъ, позволилъ было себѣ посмѣяться надъ нимъ, вдругъ остановился, какъ будто пронзенный, и съ тѣхъ поръ какъ будто все перемѣнилось передъ нимъ и показалось въ другомъ видѣ. Какая-то неестественная сила оттолкнула его отъ товарищей, съ которыми онъ познакомился, принявъ ихъ за приличныхъ, свѣтскихъ людей. И долго потомъ, среди самыхъ веселыхъ минутъ, представлялся ему низенькій чиновникъ съ лысинкою на лбу, съ своими проникающими словами: «Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?» И въ этихъ проникающихъ словахъ звенѣли другія слова: «я братъ твой». И закрывалъ себя рукою бѣдный молодой человекъ, и много разъ содрогался онъ потомъ на вѣку своемъ, видя, какъ много въ человекѣ безчеловѣчья, какъ много скрыто свирѣпой грубости въ утонченной, образованной свѣтскости и, Боже! даже въ томъ человекѣ, котораго свѣтъ признаетъ благороднымъ и честнымъ...

Врядъ ли гдѣ можно было найти человека, который такъ жилъ бы въ своей должности. Мало сказать: онъ служилъ ревностно; нѣтъ, онъ служилъ съ любовью.

Тамъ, въ этомъ переписываньи, ему видѣлся какой-то свой разнообразный и пріятный міръ. Наслажденіе выражалось на лицѣ его; нѣкоторыя буквы у него были фавориты, до которыхъ если онъ добирался, то былъ самъ не свой: и подсмѣивался, и подмигивалъ, и помогалъ губами, такъ что въ лицѣ его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его. Если бы, соразмѣрно его рвенію, давали ему награды, онъ, къ изумленію своему, можетъ-быть, даже попалъ бы въ статскіе совѣтники; но **в ы с л у ж и л ь** онъ, какъ выражались остряки, его же товарищи, пряжку въ петлицу да нажилъ геморрой въ поясницу. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы не было къ нему никакого вниманія. Одинъ директоръ, будучи добрый человекъ и желая вознаградить его за долгую службу, приказалъ дать ему что-нибудь поважнѣе, чѣмъ обыкновенное переписыванье: именно изъ готоваго уже дѣла велѣно было

ему сдѣлать какое-то отношеніе въ другое присутственное мѣсто; дѣло состояло только въ томъ, чтобы переимѣнить заглавный титулъ да переимѣнить кое-гдѣ глаголы изъ перваго лица въ третье. Это задало ему такую работу, что онъ вспотѣлъ совершенно, теръ лобъ и наконецъ сказалъ: «Нѣтъ, лучше, дайте, я перепису

что-нибудь». Съ тѣхъ поръ оставили его навсегда переписывать. Въ этого переписыванья, казалось, для него ничего не существовало. Онъ не думалъ вовсе о своемъ платьѣ: вицмундиръ у него былъ — не зеленый, а какого-то рыжеватого-мучного цвѣта. Воротничокъ на немъ былъ узенькій, низенькій, такъ что шея его, несмотря на то, что не была длинна, выходя изъ воротника, казалась необыкновенно длинною, какъ у тѣхъ гипсовыхъ котенковъ, болтающихъ головами, которыхъ носятъ на

Handwritten signature

головахъ цѣлыми десятками русскіе иностранцы. И всегда что-нибудь да прилипало къ его вицмундиру: или сѣнца кусочекъ, или какая-нибудь ниточка; къ тому же онъ имѣлъ особенное искусство, ходя по улицѣ, поспѣвать подъ окно именно въ то самое время, когда изъ него выбрасывали всякую дрянъ, и оттого вѣчно уносилъ на своей шляпѣ арбузныя и дынныя корки и тому подобный вздоръ. Ни одинъ разъ въ жизни не обратилъ онъ вниманія на то, что дѣлается и происходитъ всякій день на улицѣ, на что, какъ извѣстно, всегда посмотреть его же братъ, молодой чиновникъ, простирающій до того проницательность своего бойкаго взгляда, что замѣтитъ даже, у кого на другой сторонѣ тротуара отпоро-

лась внизу панталоновъ стремешка, — что вызываетъ всегда лукавую усмѣшку на лицѣ его. Но Акакій Акакіевичъ если и глядѣлъ на что, то видѣлъ на всемъ свои чистыя, ровнымъ почеркомъ выписанныя строки, и только развѣ, если, неизвѣстно откуда взявшись, лошадиная морда помѣщалась ему на плечо и напускала ноздрями цѣлый вѣтеръ въ щеку, тогда только замѣчалъ онъ, что онъ не на серединѣ строки, а скорѣе на серединѣ улицы.

Приходя домой, онъ садился тотъ же часъ за столъ, хлебаль наскоро свои щи и ѣлъ кусокъ говядины съ

лукомъ, вовсе не замѣчая ихъ вкуса, ѣлъ все это съ мухами и со всѣмъ тѣмъ, что ни посылалъ Богъ на ту пору. Замѣтивши, что желудокъ начиналъ пучиться, вставалъ изъ-за стола, вынималъ баночку съ чернилами и переписывалъ бумаги, принесенныя на домъ. Если же такихъ не случалось, онъ снималъ нарочно, для собственнаго удовольствія, копію для себя, особенно, если бумага была замѣчательна не по красотѣ слога, но по адресу къ какому-нибудь новому или важному лицу.

Даже въ тѣ часы, когда совершенно потухаетъ петербургское сѣрое небо и весь чиновный народъ наѣлся и отобѣдалъ, кто какъ могъ, сообразно съ получаемымъ жалованьемъ и собственной прихотью, когда все уже отдохнуло послѣ департаментскаго скрипѣнья перьями, бѣготни, своихъ и чужихъ необходимыхъ занятій и всего того, что задаетъ себѣ добровольно, больше даже, чѣмъ нужно, неутомимый человекъ, когда чиновники спѣшатъ предать наслажденію оставшееся время: кто побойчѣе, несется въ театръ; кто на улицу, опредѣляя его на разсматриванье кое-какихъ шляпенокъ; кто на вечеръ—истратить его въ комплиментахъ какой-нибудь смазливой дѣвушкѣ, звѣздѣ небольшого чиновнаго круга; кто, — и это случается чаще всего, — идетъ, просто, къ своему брату въ четвертый или третій этажъ, въ двѣ небольшія комнаты съ передней или кухней и кое-какими модными претензіями, лампой или иной вещью, стоившей многихъ пожертвованій, отказовъ отъ обѣдовъ, гуляній, — словомъ, даже въ то время, когда всѣ чиновники разсѣиваются по маленькимъ квартиркамъ своихъ пріятелей поиграть въ штурмовой вистъ, прихлебывая чай изъ стакановъ съ копейными сухарями, затягиваясь дымомъ изъ длинныхъ чубуковъ, рассказывая во время сдачи какую-нибудь сплетню, занесшуюся изъ высшаго общества, отъ котораго никогда и

ни въ какомъ состояніи не можетъ отказаться русскій человѣкъ, или даже, когда не о чемъ говорить, пересказывая вѣчный анекдотъ о комендантѣ, которому пришлось сказать, что подрубленъ хвостъ у лошади Фальконстова монумента; — словомъ, даже тогда, когда все стремится развлечься, Акакій Акакіевичъ не предавался никакому развлеченію. Никто не могъ сказать, чтобы когда-нибудь видѣлъ его на какомъ-нибудь вечерѣ.

Написавшись всласть, онъ ложился спать, улыбаясь заранѣе при мысли о завтрашнемъ днѣ: что-то Богъ пошлетъ переписывать завтра? Такъ протекала мирная жизнь человѣка, который, съ четырьмя стами жалованья, умѣлъ быть довольнымъ своимъ жребіемъ,

и дотекла бы, можетъ-быть, до глубокой старости, если бы не было разныхъ бѣдствій, разсыпанныхъ на жизненной дорогѣ не только титуляр-

нымъ, но даже тайнымъ, дѣйствительнымъ, надворнымъ

и всякимъ совѣтникамъ, даже и тѣмъ, которые не даютъ никому совѣтовъ, ни отъ кого не берутъ ихъ сами.

Есть въ Петербургѣ сильный врагъ всѣхъ, получающихъ 400 рублей въ годъ жалованья или около того. Врагъ этотъ не кто другой, какъ нашъ сѣверный морозъ, хотя, впрочемъ, и говорятъ, что онъ очень здоровъ. Въ девятомъ часу утра, именно въ тотъ часъ, когда улицы покрываются идущими въ департаментъ, начинается онъ давать такіе сильные и колючіе щелчки безъ разбору по всѣмъ носамъ, что бѣдные чиновники рѣшительно не знаютъ, куда дѣвать ихъ. Въ это время, когда даже у занимающихъ высшія должности болитъ отъ морозу лобъ, и слезы выступаютъ въ глазахъ, бѣдные титулярные совѣтники иногда бываютъ беззащитны. Все спасеніе состоитъ въ томъ, чтобы въ тощенькой шинелишкѣ перебѣжать, какъ можно скорѣе, пять-шесть улицъ и потомъ натопаться хорошенько ногами въ швейцарской, пока не оттаютъ такимъ образомъ всѣ замерзнувшія на дорогѣ способности и дарованья къ должностнымъ отправленіямъ. Акакій Акакіевичъ съ нѣкотораго времени началъ чувствовать, что его какъ-то особенно сильно стало пропекать въ спину и плечо, несмотря на то, что онъ старался перебѣжать, какъ можно скорѣе, законное пространство. Онъ подумалъ, наконецъ, не заключается ли какихъ грѣховъ въ его шинели. Разсмотрѣвъ ее хорошенько у себя дома, онъ открылъ, что въ двухъ-трехъ мѣстахъ, именно, на спинѣ и на плечахъ, она сдѣлалась точная серпянка: сукно до того истерлось, что сквозило, и подкладка расползлась. Надобно знать, что шинель Акакія Акакіевича служила тоже предметомъ насмѣшекъ чиновникамъ; отъ нея отнимали даже благородное имя шинели и называли ее капотомъ. Въ самомъ дѣлѣ, она имѣла какое-то странное устройство: воротникъ ея уменьшался съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе, ибо служилъ на подтаци-

ванье другихъ частей ея. Подтачиванье не показывало искусства портного и выходило, точно, мѣшковато и некрасиво. Увидѣвши, въ чемъ дѣло, Акакій Акакіевичъ рѣшилъ, что шинель нужно будетъ снести къ Петровичу, портному, жившему гдѣ-то въ четвертомъ этажѣ по черной лѣстницѣ, который, несмотря на свой кривой глазъ и рябизну по всему лицу, занимался довольно удачно починкой чиновничьихъ и всякихъ другихъ панталонъ и фраговъ, разумѣется, когда бывалъ въ трезвомъ состояніи и не питалъ въ головѣ какого-нибудь другого предпріятія. Объ этомъ портномъ, конечно, не слѣдовало бы много говорить, но такъ какъ уже заведено, чтобы въ повѣсти характеръ всякаго лица былъ совершенно означенъ, то, нечего дѣлать, подавайте намъ и Петровича сюда. Сначала онъ назывался просто Григорій и былъ крѣпостнымъ человѣкомъ у какого-то барина; Петровичемъ онъ началъ называться съ тѣхъ поръ, какъ получилъ отпускную и сталъ попивать довольно сильно по всякимъ праздникамъ, сначала по большимъ, а потомъ, безъ разбору, по всѣмъ церковнымъ, гдѣ только стоялъ въ календарѣ крестикъ. Съ этой стороны онъ былъ вѣренъ дѣдовскимъ обычаямъ и, споря съ женой, называлъ ее мірскою женщиной и нѣмкой. Такъ какъ мы уже заикнулись про жену, то нужно будетъ и о ней сказать слова два; но, къ сожалѣнію, о ней не много было извѣстно, развѣ только то, что у Петровича есть жена, носить даже чепчикъ, а не платокъ; но красотою, какъ кажется, она не могла похвастаться; по крайней

Handwritten signature or text in the bottom right corner of the photograph.

мѣрѣ, при встрѣчѣ съ нею, одни только гвардейскіе солдаты заглядывали ей подѣ чепчикѣ, моргнувши усомѣ и испутивши какой-то особый голосѣ.

Взбираясь по лѣстницѣ, ведшей къ Петровичу, которая, — надобно отдать справедливость, — была вся умащена водой, помоями и проникнута насквозь тѣмъ спиртуознымъ запахомъ, который ѣсть глаза и, какъ извѣстно, присутствуетъ неотлучно на всѣхъ черныхъ лѣстницахъ петербургскихъ домовъ, — взбираясь по лѣстницѣ, Акакій Акакіевичъ уже подумывалъ о томъ, сколько запроситъ Петровичъ, и мысленно положилъ не давать больше двухъ рублей. Дверь была отворена, потому что хозяйка, готовя какую-то рыбу, напустила столько дыму въ кухню, что нельзя было видѣть даже и самыхъ таракановъ. Акакій Акакіевичъ прошелъ черезъ кухню, незамѣченный даже самою хозяйкою, и вступилъ, наконецъ, въ комнату, гдѣ увидѣлъ Петровича, сидѣвшаго на широкомъ деревянномъ некрашеномъ столѣ и подвернувшего подѣ себя ноги свои, какъ турецкій паша. Ноги, по обычаю портныхъ, сидящихъ за работою, были нагишомъ; и прежде всего бросился въ глаза большой палецъ, очень извѣстный Акакію Акакіевичу, съ какимъ-то изуродованнымъ ногтемъ, толстымъ и крѣпкимъ, какъ у черепахи черепъ. На шеѣ у Петровича висѣлъ мотокъ шелку и нитокъ, а на колѣняхъ была какая-то ветошь. Онъ уже минуты съ три продѣвалъ нитку въ иглинное ухо, не попадая и потому очень сердился на темноту и даже на самую нитку, ворча вполголоса: «Не дѣзетъ, варварка! Уѣлаты меня, шельма этакая!» Акакію Акакіевичу было непріятно, что онъ пришелъ именно въ ту минуту, когда Петровичъ сердился: онъ любилъ что-либо заказывать Петровичу тогда, когда послѣдній былъ уже нѣсколько подѣ-куражемъ, или, какъ выражалась жена его: «оса-дился сивухой, одноглазый чортъ». Въ такомъ состояніи

Петровичъ, обыкновенно, очень охотно уступалъ и соглашался, всякій разъ даже кланялся и благодарилъ. Потомъ, правда, приходила жена, плачась, что мужъ де былъ пьянъ и потому дешево взялся; но гривенникъ, бывало, одинъ прибавишь—и дѣло въ шляпѣ. Теперь же Петровичъ былъ, казалось, въ трезвомъ состояніи, а потому крутъ, неговорчивъ и охотникъ заламывать чортъ знаетъ какія цѣны. Акакій Акакіевичъ смекнулъ это и хотѣлъ было уже, какъ говорится, на попятный дворъ, но ужъ дѣло было начато. Петровичъ прищурилъ на него очень пристально свой единственный глазъ, и Акакій Акакіевичъ невольно выговорилъ: «Здравствуй, Петровичъ!» — «Здравствовать желаю, сударь!» сказалъ Петровичъ и покосилъ свой глазъ на руки Акакія Акакіевича, желая высмотрѣть, какого рода добычу тотъ несъ.

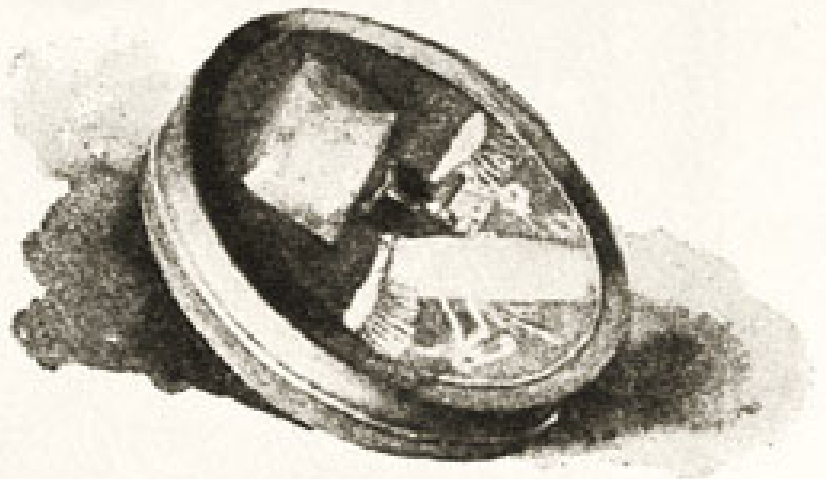
«А я вотъ къ тебѣ, Петровичъ, того...» Нужно знать, что Акакій Акакіевичъ изъяснялся бѣльшею частью предлогами, нарѣчіями и, наконецъ, такими частицами, которыя рѣшительно не имѣютъ никакого значенія. Если же дѣло было очень затруднительно, то онъ даже имѣлъ обыкновеніе совсѣмъ не оканчивать фразы, такъ что весьма часто, начавши рѣчь словами: «Это, право, совершенно того...» а потомъ уже и ничего не было, и самъ онъ позабывалъ, думая, что все уже выговорилъ.

«Что-жъ такое?» сказалъ Петровичъ и обсмотрѣлъ въ то же время своимъ единственнымъ глазомъ весь вицмундиръ его, начиная съ воротника до рукавовъ, спинки, фалдъ и петель, что все было ему очень знакомо, потому что было собственной его работы. Таковъ ужъ обычай у портныхъ: это первое, что онъ сдѣлаетъ при встрѣчѣ.

«А я вотъ того, Петровичъ... шинель-то, сукно... вотъ видишь, вездѣ въ другихъ мѣстахъ совсѣмъ крѣпкое... оно немножко запылилось и, кажется, какъ будто ста-

рое, а оно новое, да вотъ только въ одномъ мѣстѣ немного того... на спинѣ, да еще вотъ на плечѣ одномъ немного попротерлось, да вотъ на этомъ плечѣ немножко... видишь? вотъ и все. И работы немного...»

Петровичъ взялъ капоть, разложилъ его сначала на столѣ, разсматривалъ долго, покачалъ головою и полѣзь рукою на окно за круглой табакеркой съ портретомъ какого-то генерала, — какого именно, неизвѣстно, потому что мѣсто, гдѣ находилось лицо, было проткнуто пальцемъ и потомъ заклеено четверугольнымъ лоскуточкомъ бумажки. Понюхавъ табаку, Петровичъ растолпырилъ капоть на рукахъ и разсмотрѣлъ его противъ свѣта, и опять покачалъ головою; потомъ обратилъ его подкладкой вверхъ и вновь покачалъ; вновь снялъ крышку съ генераломъ, заклееннымъ бумажкой, и, нащипавши въ носъ табаку, закрылъ, спряталъ табакерку и, наконецъ, сказалъ: «Нѣтъ, нельзя поправить: худой гардеробъ!»

У Акакія Акакіевича при этихъ словахъ ёкнуло сердце.

«Отчего же нельзя, Петровичъ?» сказалъ онъ почти умоляющимъ голосомъ ребенка: «вѣдь только всего, что на плечахъ поистерлось; вѣдь у тебя есть же какіе-нибудь кусочки...»

«Да кусочки-то можно найти, кусочки найдутся», сказалъ Петровичъ: «да нашить-то нельзя: дѣло совсѣмъ гнилое, тронешь иглой — а вотъ ужъ оно и ползеть».

«Пусть ползеть, а ты тотчасъ заплаточку.

«Да заплаточки не на чемъ положить, укрѣпиться

ей не за что: поддержка больно велика. Только слава, что сукно, а подуи вѣтеръ, такъ разлетится».

«Ну, да ужъ прикрѣпи. Какъ же этакъ, право, того!..»

«Нѣтъ», сказала Петровичъ рѣшительно: «ничего нельзя сдѣлать. Дѣло совсѣмъ плохое. Ужъ вы лучше, какъ придетъ зимнее холодное время, надѣлайте изъ нея себѣ онучекъ, потому что чулокъ не грѣетъ. Это нѣмцы выдумали, чтобы побольше себѣ денегъ забирать (Петровичъ любилъ при случаѣ кольнуть нѣмцевъ); а шинель ужъ, видно, вамъ придется новую дѣлать».

При словѣ «новую» у Акакія Акакіевича затуманило въ глазахъ, и все, что ни было въ комнатѣ, такъ и пошло передъ нимъ путаться. Онъ видѣлъ ясно одного только генерала съ заклееннымъ бумажкой лицомъ, находившагося на крышкѣ Петровичевой табакерки. «Какъ же новую?» сказалъ онъ, все еще какъ будто находясь во снѣ: «вѣдь у меня и денегъ на это нѣтъ».

«Да, новую», сказалъ съ варварскимъ спокойствіемъ Петровичъ.

«Ну, а если бы пришлось новую, какъ бы она того...?»

«То-есть, что будетъ стоить?»

«Да».

«Да три полсотни слишкомъ надо будетъ приложить», сказалъ Петровичъ и сжалъ при этомъ значительно губы. Онъ очень любилъ сильные эффекты, любилъ вдругъ какъ-нибудь озадачить совершенно и потомъ поглядѣть искоса, какую озадаченный сдѣлаетъ рожу послѣ такихъ словъ.

«Полтора ста рублей за шинель!» вскрикнулъ бѣдный Акакій Акакіевичъ, — вскрикнулъ, можетъ-быть, въ первый разъ отъ-роду, ибо отличался всегда тихостью голоса.

«Да-съ», сказала Петровичъ: «да еще какова шинель. Если положить на воротникъ куницу, да пустить кашюшонъ на шелковой подкладкѣ, такъ и въ двѣсти войдетъ».

«Петровичъ, пожалуйста», говорилъ Акакій Акакіевичъ умоляющимъ голосомъ, не слыша и не стараясь слышать сказанныхъ Петровичемъ словъ и всѣхъ его эффектовъ: «какъ-нибудь поправь, чтобы хоть сколько-нибудь еще послужила»,

«Да нѣтъ, это выйдетъ—и работу убивать, и деньги попусту тратить», сказалъ Петровичъ, и Акакій Акакіевичъ послѣ такихъ словъ вышелъ совершенно уничтоженный. А Петровичъ, по уходѣ его, долго еще стоялъ, значительно сжавши губы и не принимаясь за работу, будучи доволенъ, что и себя не уронилъ, да и портного искусства тоже не выдалъ.

Вышедъ на улицу, Акакій Акакіевичъ былъ какъ во снѣ. «Этаково-то дѣло этакое», говорилъ онъ самъ себѣ: «я, право, и не думалъ, чтобы оно вышло того...» а потомъ, послѣ нѣкотораго молчанія, прибавилъ: «такъ вотъ какъ! наконецъ, вотъ что вышло! а я, право, совсѣмъ и предполагать не могъ, чтобы оно было такъ». За симъ послѣдовало опять долгое молчаніе, послѣ котораго онъ произнесъ: «Такъ такъ-то! вотъ какое ужъ, точно, никакъ неожиданное того... этого бы никакъ... этакое-то обстоятельство!» Сказавши это, онъ, вмѣсто того, чтобы идти домой, пошелъ совершенно въ противную сторону, самъ того не подозрѣвая. Дорогою задѣлъ его всѣмъ нечистымъ своимъ бокомъ трубочистъ и вычернилъ все плечо ему; цѣлая шапка извести высыпалась на него съ верхушки строившагося дома. Онъ ничего этого не замѣтилъ, и потомъ уже, когда натолкнулся на будочника, который, поставя около себя свою алебарду, натряхивалъ изъ рожка на мозолистый кулакъ табаку, тогда только немного очнулся, и то потому, что будочникъ сказалъ: «Чего лѣзешь въ самое рыло? развѣ нѣтъ тебѣ трухтуара?» Это заставило его оглянуться и поворотить домой. Здѣсь только онъ началъ собирать мысли, увидѣлъ въ ясномъ и настоящемъ

видѣ свое положеніе, сталъ разговаривать съ собою уже не отрывисто, но разсудительно и откровенно, какъ съ благоразумнымъ пріятелемъ, съ которымъ можно поговорить о дѣлѣ самомъ сердечномъ и близкомъ. «Ну, нѣтъ», сказалъ Акакій Акакіевичъ: «теперь съ Петровичемъ нельзя толковать: онъ теперь того... жена, видно, какъ - нибудь поколотила его. А вотъ я лучше приду къ нему въ воскресный день утромъ: онъ послѣ канунешной суббота будетъ косить глазомъ и заспавшись, такъ ему нужно будетъ опохмелиться, а жена денегъ не дастъ, а въ это время я ему гривенничекъ и того въ руку — онъ и будетъ стоворчивѣе, и шинель тогда и того...» Такъ разсудилъ самъ съ собою Акакій Акакіевичъ, ободрилъ себя и дождался перваго воскресенья, и, увидѣвъ издали, что жена Петровича куда-то выходила изъ дому, онъ — прямо къ нему. Петровичъ, точно, послѣ суббота сильно косилъ глазомъ, голову держалъ къ полу и былъ совсѣмъ заспавшись; но при всемъ томъ, какъ только узналъ, въ чемъ дѣло, точно какъ будто его чортъ толкнулъ. «Нельзя», сказалъ: «извольте заказать новую». Акакій

Акакiевичъ тутъ-то и всунулъ ему гривенничекъ. «Благодарствую, сударь, подкрѣплюсь маленечко за ваше здоровье», сказалъ Петровичъ: «а ужъ объ шинели не извольте беспокоиться: она ни на какую годность не годится. Новую шинель ужъ я вамъ сошью на славу, ужъ на этомъ стоимъ».

Акакiй Акакiевичъ еще было насчетъ починки, но Петровичъ не дослышалъ и сказалъ: «Ужъ новую я вамъ сошью безпремѣнно, въ этомъ извольте положиться, старанье приложимъ. Можно будетъ даже такъ, какъ пошла мода, воротникъ будетъ застегиваться на серебряныя лапки подъ аплике».

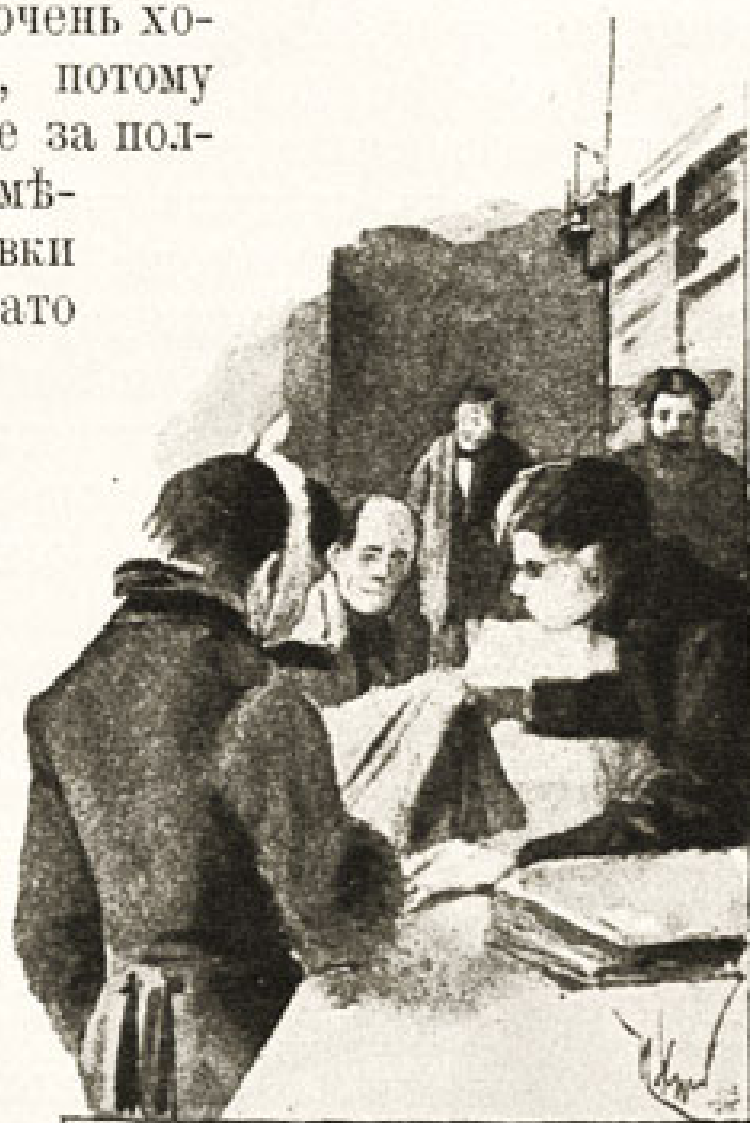
Тутъ-то увидѣлъ Акакiй Акакiевичъ, что безъ новой шинели нельзя обойтись, и поникъ совершенно духомъ. Какъ же въ самомъ дѣлѣ, на что, на какія деньги ее сдѣлать? Конечно, можно бы отчасти положиться на будущее награжденiе къ празднику, но эти деньги давно уже размѣщены и распредѣлены впередъ. Требовалось завести новые панталоны, заплатить сапожнику старый долгъ за приставку новыхъ головокъ къ старымъ голенищамъ, да слѣдовало заказать швеѣ три рубахи да штуки двѣ того бѣлья, которое неприлично называть въ печатномъ слогѣ; словомъ, всѣ деньги совершенно должны были разойтись, и если бы даже директоръ былъ такъ милостивъ, что, вмѣсто сорока рублей наградныхъ, опредѣлилъ бы сорокъ пять или пятьдесятъ, то все-таки останется какой-нибудь самый вздоръ, который въ шинельномъ капиталѣ будетъ капля въ морѣ. Хотя, конечно, онъ зналъ, что за Петровичемъ водилась блажь заломить вдругъ, чортъ знаетъ, какую непомерную цѣну, такъ что ужъ, бывало, сама жена не могла удержаться, чтобы не вскрикнуть: «Что ты съ ума сходишь, дуракъ такой! Въ другой разъ ни за что возьметъ работать, а теперь разнесла его нелегкая запросить такую цѣну, какой и самъ не стѣитъ». Хотя, конечно, онъ

зналъ, что Петровичъ и за восемьдесятъ рублей возь-
 мется сдѣлать; однако, все же, откуда взять эти восемь-
 десятъ рублей? Еще половину можно бы найти: половина
 бы отыскалась; можетъ-быть, даже немножко и больше;
 но гдѣ взять другую половину?.. Но прежде читателю
 должно узнать, гдѣ взялась первая половина. Акакій
 Акакіевичъ имѣлъ обыкновеніе
 со всякаго истрачиваемаго руб-
 ля откладывать по грошу въ
 небольшой ящичекъ, запертой
 на ключъ, съ прорѣзанною въ
 крышкѣ дырочкой для
 бросанія туда денегъ. По
 истеченіи всякаго полу-
 года онъ ревизовалъ на-
 копившуюся мѣдную сум-
 му и замѣнялъ ее мел-
 кимъ серебромъ. Такъ
 продолжалъ онъ съ давнихъ
 поръ, и такимъ образомъ, въ
 продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ,
 оказалось накопившейся суммы
 болѣе, чѣмъ на сорокъ рублей.
 Итакъ, половина была въ ру-
 кахъ; но гдѣ же взять дру-
 гую половину? гдѣ взять дру-
 гіе сорокъ рублей? Акакій Ака-
 кіевичъ думалъ-думалъ и рѣшилъ, что нужно будетъ
 уменьшить обыкновенныя издержки, хотя по крайней
 мѣрѣ въ продолженіе одного года: изгнать употребле-
 ніе чаю по вечерамъ, не зажигать по вечерамъ свѣчи,
 а если что понадобится дѣлать, идти въ комнату къ
 хозяйкѣ и работать при ея свѣчкѣ; ходя по улицамъ,
 ступать какъ можно легче и осторожниѣе по камнямъ
 и плитамъ, почти на цыпочкахъ, чтобы такимъ обра-

зомъ не истереть скоровременно подметокъ; какъ можно рѣже отдавать прачкѣ мыть бѣлье, а чтобы не занасивалось, то всякій разъ, приходя домой, скидать его и оставаться въ одномъ только демикотоновомъ халатѣ, очень давнемъ и щадимомъ даже самимъ временемъ. Надобно сказать правду, что сначала ему было нѣсколько трудно привыкать къ такимъ ограниченіямъ, но потомъ какъ-то привыкло и пошло на ладъ, — даже онъ совершенно приучился голодать по вечерамъ; но зато онъ питался духовно, нося въ мысляхъ своихъ вѣчную идею будущей шинели. Съ этихъ поръ какъ будто самое существованіе его сдѣлалось какъ-то полнѣе, какъ будто бы онъ женился, какъ будто какой-то другой человѣкъ присутствовалъ съ нимъ, какъ будто онъ былъ не одинъ, а какая-то пріятная подруга жизни согласилась съ нимъ проходить вмѣстѣ жизненную дорогу, — и подруга эта была не кто другая, какъ та же шинель, на толстой ватѣ, на крѣпкой подкладкѣ безъ износу. Онъ сдѣлался какъ-то живѣе, даже тверже характеромъ, какъ человѣкъ, который уже опредѣлилъ и поставилъ себѣ цѣль. Съ лица и съ поступковъ его исчезло само собою сомнѣніе, нерѣшительность, словомъ, — всѣ колеблющіяся и неопредѣленныя черты. Огонь порою показывался въ глазахъ его, въ головѣ даже мелькали самыя дерзкія и отважныя мысли: не положить ли, точно, куницу на воротникъ? Размышленія объ этомъ чуть не навели на него разсѣянности. Одинъ разъ, переписывая бумагу, онъ чуть было даже не сдѣлалъ ошибки, такъ что почти вслухъ вскрикнулъ: «ухъ!» и перекрестился. Въ продолженіе каждаго мѣсяца онъ, хотя одинъ разъ, навѣдывался къ Петровичу, чтобы поговорить о шинели: гдѣ лучше купить сукна, и какого цвѣта, и въ какую цѣну, — и хотя нѣсколько озабоченный, но всегда довольный возвращался домой, помышляя, что, наконецъ, придетъ же время, когда все

это купится и когда шинель будеть сдѣлана. Дѣло пошло даже скорѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. Противу всякаго чаянiя, директоръ назначилъ Акакію Акакіевичу не сорокъ или сорокъ пять, а цѣлыхъ шестьдесятъ рублей. Ужъ предчувствовали ли онъ, что Акакію Акакіевичу нужна шинель, или само собою такъ случилось, но только у него чрезъ это очутилось лишнихъ двадцать рублей. Это обстоятельство ускорило ходъ дѣла. Еще какихъ-нибудь два-три мѣсяца небольшого голоданья — и у Акакія Акакіевича набралось, точно, около восьмидесяти рублей. Сердце его, вообще весьма покойное, начало биться. Въ первый же день онъ отправился вмѣстѣ съ Петровичемъ въ лавки. Купили сукна очень хорошаго — и не мудрено, потому что объ этомъ думали еще за полгода прежде и рѣдкій мѣсяць не заходили въ лавки примѣняться къ цѣнамъ; зато самъ Петровичъ сказалъ, что лучше сукна и не бываетъ. На подкладку выбрали коленкору, но такого добротнаго и плотнаго, который, по словамъ Петровича, былъ еще лучше шелку и даже на видъ казистѣй и глянцовитѣй. Куницы не купили, потому что была, точно, дорога, а вмѣсто ея выбрали кошку, лучшую, какая только нашлась въ лавкѣ, — кошку, которую издали можно

было всегда принять за кунцу. Петровичъ провозился за шинелью всего двѣ недѣли, потому что много было стеганья, а иначе она была бы готова раньше. За работу Петровичъ взялъ двѣнадцать рублей — меньше никакъ нельзя было: все было рѣшительно шито на шелку, двойнымъ мелкимъ швомъ, и по всякому шву Петровичъ потомъ проходилъ собственными зубами, вытисняя ими разныя фигуры. Это было... трудно сказать, въ который именно день, но, вѣроятно, въ день самый торжественнѣйшій въ жизни Акакія Акакіевича, когда Петровичъ принесъ, наконецъ, шинель. Онъ принесъ ее поутру, передъ самымъ тѣмъ временемъ, какъ нужно было идти въ департаментъ. Никогда бы въ другое время не пришла такъ кстати шинель, потому что начинались уже довольно крѣпкіе морозы и, казалось, грозили еще болѣе усилиться. Петровичъ явился съ шинелью, какъ слѣдуетъ хорошему портному. Въ лицѣ его показалось выраженіе такое значительное, какого Акакій Акакіевичъ никогда еще не видалъ. Казалось, онъ чувствовалъ въ полной мѣрѣ, что сдѣлалъ не малое дѣло и что вдругъ показалъ въ себѣ бездну, раздѣляющую портныхъ, которые подставляютъ только подкладки и переправляютъ, отъ тѣхъ, которые шьютъ заново. Онъ вынулъ шинель изъ носового платка, въ которомъ ее принесъ (платокъ былъ только-что отъ прачки; онъ уже потомъ свернулъ его и положилъ въ карманъ для употребленія). Вынувши шинель, онъ весьма гордо посмотрѣлъ и, держа въ обѣихъ рукахъ, набросилъ весьма ловко на плечи Акакію Акакіевичу, потомъ потянулъ и осадилъ ее сзади рукой къ низу; потомъ драпировалъ ею Акакія Акакіевича нѣсколько на-распашку. Акакій Акакіевичъ, какъ человѣкъ въ лѣтахъ, хотѣлъ попробовать въ рукава; Петровичъ помогъ надѣтъ и въ рукава—вышло, что и въ рукава была хороша. Словомъ, оказалось, что шинель была совершенно и какъ разъ

впору. Петровичъ не упустилъ при семъ случаѣ сказать, что онъ такъ только, потому что живетъ безъ вывѣски на небольшой улицѣ и притомъ давно знаетъ Акакія Акакіевича, потому взялъ такъ дешево, а на Невскомъ проспектѣ съ него бы взяли за одну только работу семьдесятъ пять рублей. Акакій Акакіевичъ объ этомъ не хотѣлъ разсуждать съ Петровичемъ, да и боялся всѣхъ сильныхъ суммъ, какими Петровичъ любилъ запускать пыль. Онъ расплатился съ нимъ, по-

благодарилъ и вышелъ тутъ же въ новой шинели въ департаментъ. Петровичъ вышелъ вслѣдъ за нимъ и, оставаясь на улицѣ, долго еще смотрѣлъ издали на шинель и потомъ пошелъ нарочно въ сторону, чтобы, обогнувши кривымъ переулкомъ, заѣхать вновь на улицу и посмотреть еще разъ на свою шинель съ другой стороны, то-есть, прямо въ лицо. Между тѣмъ Акакій Акакіевичъ шелъ въ самомъ праздничномъ расположеніи всѣхъ чувствъ. Онъ чувствовалъ всякій мигъ минуты, что на плечахъ его новая шинель, и нѣсколько разъ даже усмѣхнулся отъ внутренняго удовольствія. Въ са-

момъ дѣлѣ, двѣ выгоды: одно то, что тепло, а другое, что хорошо. Дороги онъ не примѣтилъ вовсе и

очутился вдругъ въ департаментѣ; въ швейцарской онъ скинулъ шинель, осмотрѣлъ ее кругомъ и поручилъ въ особенный надзоръ швейцару. Неизвѣстно, какимъ образомъ въ департаментѣ всѣ вдругъ узнали, что у Акакія Акакіевича новая шинель, и что уже капота болѣе не существуетъ. Всѣ въ ту же минуту выбѣжали въ швейцарскую смотрѣть новую шинель Акакія Акакіевича. Начали поздравлять его, привѣтствовать, такъ что тотъ сначала только улыбался, а потомъ сдѣлалось ему даже стыдно. Когда же всѣ, приступивъ къ нему, стали говорить, что нужно вспрыснуть новую шинель и что, по крайней мѣрѣ, онъ долженъ задать имъ всѣмъ вечеръ, Акакій Акакіевичъ потерялся совершенно, не зная, какъ ему быть, что такое отвѣчать и какъ отговориться. Онъ уже минутъ черезъ нѣсколько, весь покраснѣвшій, началъ было увѣрять довольно простодушно, что это совсѣмъ не новая шинель, что это такъ, что это старая шинель. Наконецъ, одинъ изъ чиновниковъ, какой-то даже помощникъ столоначальника, вѣроятно, для того, чтобы показать, что онъ ничуть не гордецъ и знаетъ даже съ низшими себя, сказалъ: «Такъ и быть, я вмѣсто Акакія Акакіевича даю вечеръ, и прошу ко мнѣ сегодня на чай: я же, какъ нарочно, сегодня именинникъ». Чиновники, натурально, тутъ же поздравили помощника столоначальника и приняли съ охотою предложеніе. Акакій Акакіевичъ началъ было отговариваться, но всѣ стали говорить, что неучтиво, что, просто, стыдъ и срамъ, и онъ ужъ никакъ не могъ отказаться. Впрочемъ, ему потомъ сдѣлалось пріятно, когда вспомнилъ, что онъ будетъ имѣть чрезъ то случай пройтись даже и ввечеру въ новой шинели. Этотъ весь день былъ для Акакія Акакіевича точно самый большой торжественный праздникъ. Онъ возвратился домой въ самомъ счастливомъ расположеніи духа, скинулъ шинель и повѣсилъ ее бережно на стѣнѣ, налю-

бывавшись еще разъ сукномъ и подкладкой, и потомъ нарочно вытащилъ, для сравненья, прежній капоть свой, совершенно расползшійся. Онъ взглянулъ на него,

и самъ даже засмѣялся: такая была далекая разница! И долго еще потомъ за обѣдомъ онъ все усмѣхался, какъ только приходило ему на умъ положеніе, въ которомъ находился

капотъ. Пообѣдалъ онъ весело и послѣ обѣда ужъ ничего не писалъ, никакихъ бумагъ, а такъ немножко посибаритствовалъ на постели, пока не потемнѣло. Потомъ, не затягивая дѣла, одѣлся, надѣлъ на плечи шинель и вышелъ на улицу. Гдѣ именно жилъ пригласившій чиновникъ, къ сожалѣнію, не можемъ сказать: память начинаетъ намъ сильно измѣнять, и все, что ни есть въ Петербургѣ, всѣ улицы и дома слились и смѣшались такъ въ головѣ, что

весьма трудно достать оттуда что-нибудь въ порядочномъ видѣ. Какъ бы то ни было, но вѣрно по крайней мѣрѣ то, что чиновникъ жилъ въ лучшей части города, стало-быть, очень недалеко отъ Акакія Акакіевича. Сначала надо было Акакію Акакіевичу пройти кое-какія пустынные улицы съ тощимъ освѣщеніемъ, но, по мѣрѣ приближенія къ квартирѣ чиновника, улицы становились живѣе, населеннѣй и сильнѣе освѣщены; пѣшеходы стали мелькать чаще, начали попадаться и дамы, красиво одѣтыя; на мужчинахъ попадались бобровые воротники; рѣже встрѣчались ваньки съ деревянными рѣшетчатыми своими санками, утыканными позолоченными

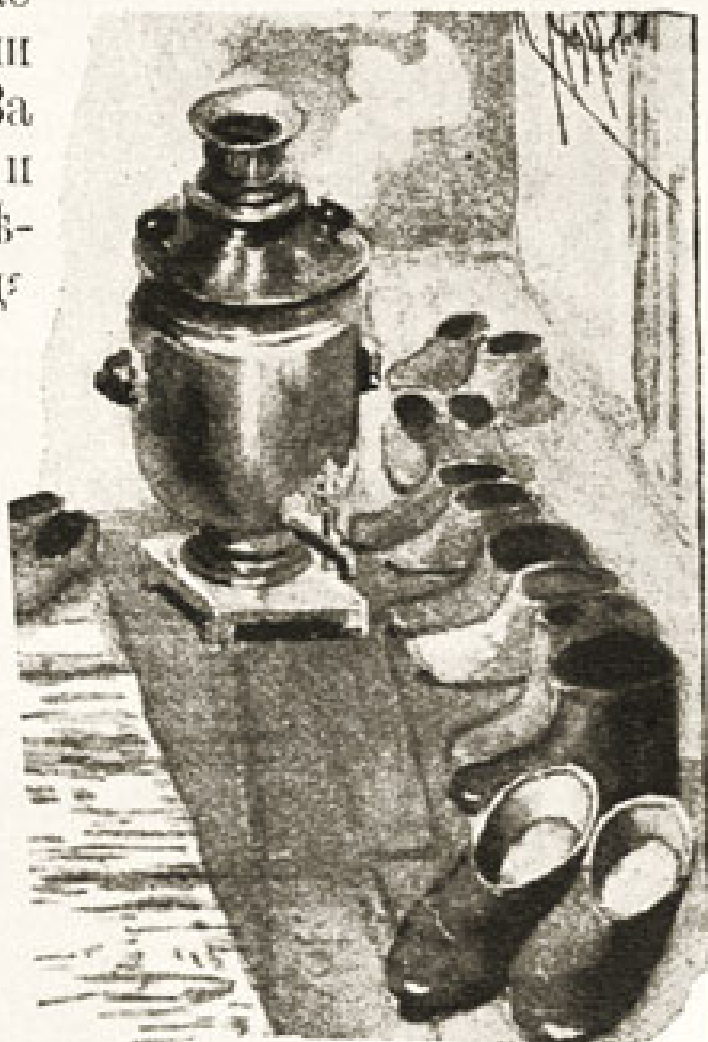
гвоздочками; напротивъ, все попадались лихачи въ малиновыхъ бархатныхъ шапкахъ, съ лакированными санками, съ медвѣжьими одѣялами, и пролетали улицу, визжа колесами по снѣгу, кареты съ убранными козлами. Акакій Акакіевичъ глядѣлъ на все это, какъ на новость: онъ уже нѣсколько лѣтъ не выходилъ по вечерамъ на улицу. Остановился съ любопытствомъ передъ

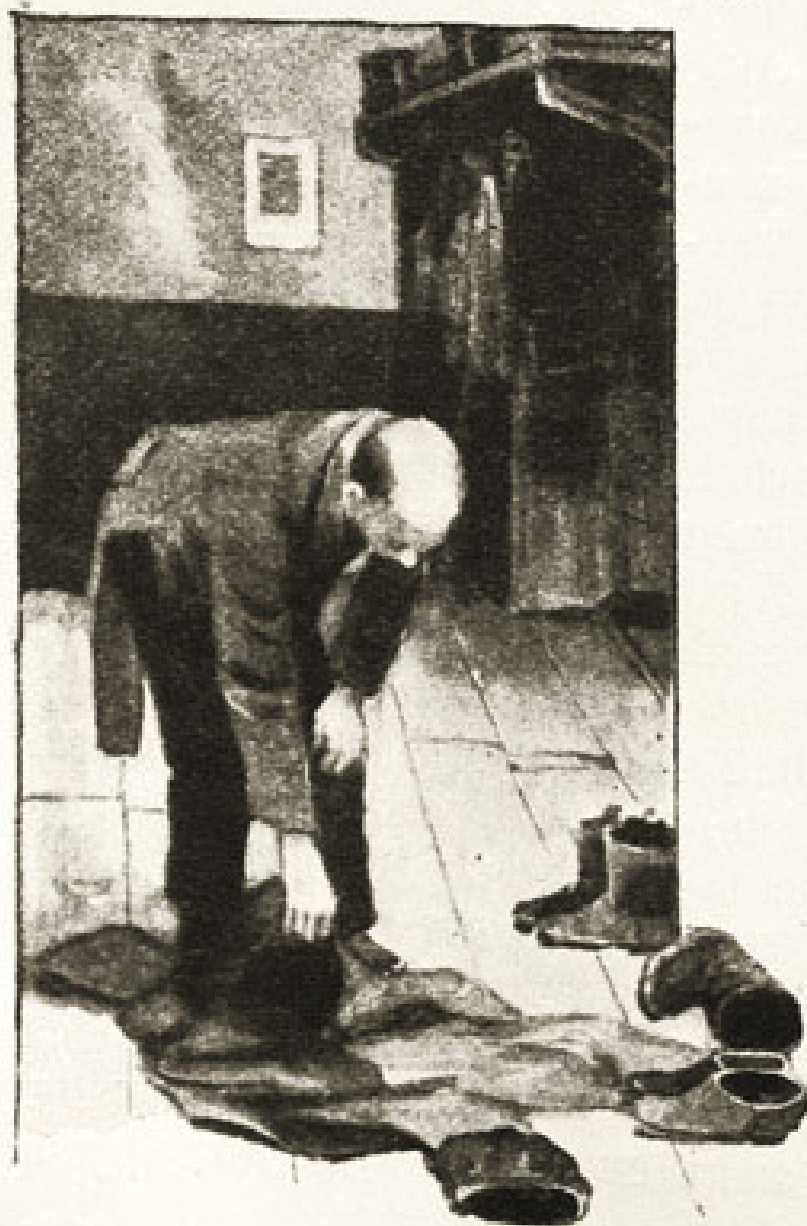
освѣщеннымъ окошкомъ магазина посмотрѣть на картину, гдѣ изображена была какая-то красивая женщина, которая скидала съ себя башмакъ, обнаживши такимъ образомъ всю ногу, очень недурную; а за спиной ея, изъ дверей другой комнаты, выставилъ голову какой-то мужчина съ бакенбардами и красивой эспаньолкой подъ губой. Акакій Акакіевичъ покачнулъ головой и усмѣхнулся, и потомъ пошелъ своею дорогою. Почему онъ усмѣхнулся? потому ли, что встрѣтилъ вещь вовсе не-

знакомую, но о которой, однакоже, все-таки у каждаго сохраняется какое-то чутье, или подумалъ онъ, подобно многимъ другимъ чиновникамъ, слѣдующее: «Ну, ужъ эти французы! что и говорить! Ужъ ежели захотятъ что-нибудь того, такъ ужъ, точно, того?..» А можетъ-быть, даже и этого не подумалъ: вѣдь нельзя же залѣзть въ душу человѣку и узнать все, что онъ ни думаетъ. Наконецъ, достигнулъ онъ дома, въ которомъ квартировалъ помощникъ столоначальника. Помощникъ столоначальника жилъ на большую ногу: на лѣстницѣ звѣтилъ фонарь, квартира была во второмъ этажѣ. Вошедши въ переднюю, Акакій Акакіевичъ увидѣлъ на полу цѣлые ряды калошъ. Между ними, посреди

комнаты, стоялъ самоваръ, шумя и испуская клубами парь. На стѣнахъ висѣли все шинели да плащи, между которыми нѣкоторые были даже съ бобровыми воротниками или съ бархатными отворотами. За стѣной былъ слышенъ шумъ и говоръ, которые вдругъ сдѣлались ясными и звонкими, когда отворилась дверь и вышелъ лакей съ подносомъ, уставленнымъ опорожненными стаканами, сливочникомъ и корзиною сухарей. Видно, что ужъ чиновники давно собрались и выпили по первому стакану чаю. Акакій Акакіевичъ, повѣсивши самъ шинель свою, вошелъ въ комнату, и передъ нимъ мелькнули въ одно время свѣчи, чиновники, трубки, столы для картъ, и смутно поразили слухъ его бѣглый, со всѣхъ сторонъ подымавшійся разговоръ и шумъ передвижаемыхъ стульевъ. Онъ остановился весьма неловко среди комнаты, ища и стараясь придумать, что ему сдѣлать. Но его уже замѣтили, приняли съ крикомъ и всѣ пошли тотъ же часъ въ переднюю и вновь осмотрѣли его шинель. Акакій Акакіевичъ хотя было отчасти и сконфузился, но, будучи человекомъ чисто-сердечнымъ, не могъ не порадоваться, видя, какъ всѣ похвалили шинель. Потомъ, разумѣется, всѣ бросили и его, и шинель, и обратились, какъ водится, къ столамъ, назначеннымъ для виста. Все это: шумъ, говоръ и толпа людей,—все это было какъ-то чудно Акакію Акакіевичу. Онъ, просто, не зналъ, какъ ему быть, куда дѣть руки,

ноги и всю фигуру свою; наконецъ, подсѣлъ онъ къ играющимъ, смотрѣлъ въ карты, засматривалъ тому и другому въ лица и чрезъ нѣсколько времени началъ зѣвать, чувствовать, что скучно,—тѣмъ болѣе, что ужъ давно наступило то время, въ которое онъ, по обыкновенію, ложился спать. Онъ хотѣлъ проститься съ хозяиномъ, но его не пустили, говоря, что непременно надо выпить, въ честь обновки, по бокалу шампанскаго. Черезъ часъ подали ужинъ, состоявшій изъ винигрета, холодной телятины,

паштета, кондитерскихъ пирожковъ и шампанскаго. Акакія Акакіевича заставили выпить два бокала, послѣ которыхъ онъ почувствовалъ, что въ комнатѣ сдѣлалось веселѣе, однакожь никакъ не могъ позабыть, что уже двѣнадцать часовъ и что давно пора домой. Чтобы какъ-нибудь не вздумать удерживать хозяинъ, онъ вышелъ потихоньку изъ комнаты, отыскалъ въ передней шинель, которую не безъ сожалѣнія увидѣлъ лежавшею на полу, стряхнулъ

ее, снялъ съ нея всякую пушинку, надѣлъ на плечи и опустился по лѣстницѣ на улицу. На улицѣ все еще было свѣтло. Кое-какія мелочныя лавчонки, эти безсмѣнные клубы дворовыхъ и всякихъ людей, были отперты; другія же, которыя были заперты, показывали, однакожь, длинную струю свѣта во всю дверную щель, означавшую, что онѣ не лишены еще общества и, вѣроятно, дворовыя служанки или слуги еще доканчиваютъ свои толки и разговоры, повергая своихъ господъ въ совершенное недоумѣніе насчетъ своего мѣстопробыванія. Акакій Акакіевичъ шелъ въ веселомъ расположеніи духа, даже побѣжалъ было вдругъ, неизвѣстно почему, за какою-то дамою, которая, какъ молнія, прошла мимо и у которой всякая часть тѣла была исполнена необыкновеннаго движенія. Но, однакожь, онъ тутъ же остановился и пошелъ опять попрежнему очень тихо, подивясь даже самъ неизвѣстно, откуда взявшейся рыси. Скоро потянулись передъ нимъ тѣ пустынные улицы, которыя даже и днемъ не такъ веселы, а тѣмъ болѣе вечеромъ. Теперь онѣ сдѣлались еще глуше и уединеннѣе: фонари стали мелькать рѣже—масла, какъ видно, уже меньше отпускалось; пошли деревянные дома, заборы; нигдѣ ни души; сверкалъ только одинъ снѣгъ по улицамъ, да печально чернѣли съ закрытыми ставнями заснувшія низенькія лачужки. Онъ приблизился къ тому мѣсту, гдѣ перерѣзывалась улица безконечною площадью съ едва видными на другой сторонѣ ея домами, которая глядѣла страшною пустынею.

Вдали, Богъ знаетъ гдѣ, мелькалъ огонекъ въ какой-то будкѣ, которая казалась стоявшею на краю свѣта. Веселость Акакія Акакіевича какъ-то здѣсь значительно уменьшилась. Онъ вступилъ на площадь не безъ какой-то невольной боязни, точно какъ будто сердце его предчувствовало что-то недоброе. Онъ оглянулся назадъ и по сторонамъ—точное море вокругъ него. «Нѣтъ, лучше

и не глядѣть», подумалъ и шелъ, закрывъ глаза, и

когда открылъ ихъ, чтобы узнать, близко ли конецъ

площади, увидѣлъ вдругъ, что передъ нимъ стоятъ, почти передъ носомъ, какіе-то люди съ усами, — какіе именно, ужъ этого онъ не могъ даже различить. У него затуманило въ глазахъ и забилося въ груди. «А вѣдь шинель - то моя!» сказалъ одинъ изъ нихъ громовымъ голосомъ, схвативши его за воротникъ. Акакій Акакіевичъ хотѣлъ было уже закричать: «караулъ», какъ другой приставилъ ему къ самому рту кулакъ, величиною въ чиновничью голову, примолвивъ: «А вотъ только крикни!» Акакій Акакіевичъ чувствовалъ только, какъ сняли съ него шинель, дали ему пинка колѣномъ,

и онъ упалъ навзничъ въ снѣгъ и ничего ужъ больше не чувствовалъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ опомнился

и поднялся на ноги, но ужь никого не было. Онъ чувствовалъ, что въ полѣ холодно и шинели нѣтъ, сталъ кричать; но голосъ, казалось, и не думалъ долетать до концовъ площади. Отчаянный, не уставая кричать, пустился онъ бѣжать черезъ площадь прямо къ будкѣ,

подлѣ которой стоялъ будочникъ и, опершись на свою алебарду, глядѣлъ, кажется, съ любопытствомъ, желая знать, какого чорта бѣжить къ нему издали и кричить чело-

вѣкъ. Акакій Акакіевичъ, прибѣжавъ къ нему, началъ задыхающимся голосомъ кричать, что онъ спитъ и ни за чѣмъ не смотритъ, не видитъ, какъ грабятъ человѣка. Будочникъ отвѣчалъ, что онъ не видалъ ничего, что видѣлъ, какъ остановили его среди площади какіе-то два человѣка, да думалъ, что тѣ были его пріятели; а что, пусть онъ вмѣсто того, чтобы понапрасну браниться, сходить завтра къ надзирателю, такъ надзира-

тель отыщетъ, кто взялъ шинель. Акакій Акакіевичъ прибѣжалъ домой въ совершенномъ безпорядкѣ: волосы, которые еще водились у него въ небольшомъ количествѣ на вискахъ и затылкѣ, совершенно растрепались; бокъ, и грудь, и всѣ панталоны были въ снѣгу. Старуха, хозяйка квартиры его, услыша страшный стукъ въ дверь, поспѣшно вскочила съ постели и, съ башмакомъ на одной только ногѣ, побѣжала

отворять дверь, придерживая на груди своей, из скромности, рукою рубашку; но, отворивъ, отступила

назадъ, увидя въ такомъ видѣ Акакія Акакіевича. Когда же рассказалъ онъ, въ чемъ дѣло, она всплеснула руками и сказала, что нужно идти прямо къ частному, что квартальный надуетъ, пообѣщается и станетъ водить; а лучше всего идти прямо къ частному, что онъ даже ей знакомъ, потому что Анна, чухонка, служившая прежде у нея въ кухаркахъ, опредѣлилась теперь къ частному въ няньки, что она часто видитъ его самого, какъ онъ проѣзжаетъ мимо ихъ дома, и что онъ бываетъ также всякое воскресенье въ церкви, молится, а въ то

же время весело смотритъ на всѣхъ, и что, стало-быть, по всему видно, долженъ быть добрый человѣкъ. Выслушавъ такое рѣшеніе, Акакій Акакіевичъ печальный побрелъ въ свою комнату, и какъ онъ провелъ тамъ ночь—предоставляется судить тому, кто можетъ сколько-нибудь представить себѣ положеніе другого. Поутру рано отправился онъ къ частному; но сказали, что спитъ; онъ пришелъ въ десять—сказали опять: «спитъ»; онъ пришелъ въ одиннадцать часовъ—сказали: «да нѣтъ частнаго дома»; онъ въ обѣденное время—но писаря въ прихожей никакъ не хотѣли пустить его и хотѣли

непремѣнно узнать, за какимъ дѣломъ и какая надобность привела, и что такое случилось; такъ что, наконецъ, Акакій Акакіевичъ разъ въ жизни захотѣлъ показать характеръ и сказалъ наотрѣзъ, что ему нужно лично видѣть самого частнаго, что они не смѣютъ его не допустить, что онъ пришелъ изъ департамента за казеннымъ дѣломъ, а что вотъ, какъ онъ на нихъ пожалуется, такъ вотъ тогда они увидятъ. Противъ этого писаря ничего не посмѣли сказать, и одинъ изъ нихъ пошелъ вызвать частнаго. Частный принялъ какъ-то чрезвычайно странно рассказъ о грабительствѣ шинели. Въмѣсто того, чтобы обратить вниманіе на главный пунктъ дѣла, онъ сталъ спрашивать Акакія Акакіевича: да почему онъ такъ поздно возвращался? да не заходилъ ли онъ и не былъ ли въ какомъ непорядочномъ домѣ? такъ что Акакій Акакіевичъ сконфузился совершенно и вышелъ отъ него, самъ не зная, возымѣетъ ли надлежащій ходъ дѣло о шинели, или нѣтъ. Весь этотъ день онъ не былъ въ присутствіи (единственный случай въ его жизни). На другой день онъ явился весь блѣдный и въ старомъ капотѣ своемъ, который сдѣлался еще плачевнѣе. Повѣствованіе о грабежѣ шинели,—несмотря на то, что нашлись такіе чиновники, которые не пропустили даже и тутъ посмѣяться надъ Акакіемъ Акакіевичемъ, — однакоже многихъ тронуло. Рѣшились тутъ же сдѣлать для него складчину, но собрали самую бездѣлицу, потому что чиновники и безъ того уже много истратились, подписавшись на директорскій портретъ и на одну какую-то книгу, по предложенію начальника отдѣленія, который былъ пріятелемъ сочинителю; итакъ, сумма оказалась самая бездѣльная. Одинъ кто-то, движимый состраданіемъ, рѣшился, по крайней мѣрѣ, помочь Акакію Акакіевичу добрымъ совѣтомъ, сказавши, чтобъ онъ пошелъ не къ квартальному, потому что, хоть и можетъ случиться,

что квартальный, желая заслужить одобреніе начальства, отыщетъ какимъ-нибудь образомъ шинель, но шинель все-таки останется въ полиціи, если онъ не представитъ законныхъ доказательствъ, что она принадлежитъ ему; а лучше всего, чтобы онъ обратился къ одному *значительному лицу*; что *значительное лицо*, спишась и снесясь, съ кѣмъ слѣдуетъ, можетъ заставить успѣшнѣе итти дѣло. Нечего дѣлать, Акакій Акакіевичъ рѣшился итти къ *значительному лицу*. Какая именно и въ чемъ состояла должность *значительнаго лица*, это осталось до сихъ поръ неизвѣстнымъ. Нужно знать, что *одно значительное лицо* недавно сдѣлался *значительнымъ лицомъ*, а до того времени онъ былъ *незначительнымъ лицомъ*. Впрочемъ, мѣсто его и теперь не почиталось *значительнымъ*, въ сравненіи съ другими, еще *значительнѣйшими*. Но всегда найдется такой кругъ людей, для которыхъ *незначительное въ глазахъ прочихъ* есть уже *значительное*. Впрочемъ, онъ старался усилить *значительность* многими другими средствами, именно: завелъ, чтобы низшіе чиновники встрѣчали его еще на лѣстницѣ, когда онъ приходилъ въ должность; чтобы къ нему являться прямо никто не смѣлъ, а чтобъ шло все порядкомъ строжайшимъ: коллежскій регистраторъ докладывалъ бы губернскому секретарю, губернской секретарь — титулярному, или какому приходилось другому, и чтобы уже такимъ образомъ доходило дѣло до него. Такъ ужъ на святой Руси все заражено подражаніемъ: всякій дразнить и корчить своего начальника. Говорятъ даже, какой-то титулярный совѣтникъ, когда сдѣлали его правителемъ

какой-то отдѣльной небольшой канцеляріи, тотчасъ же отгородилъ себѣ особенную комнату, назвавши ее «комнатой присутствія», и поставилъ у дверей какихъ-то капельдинеровъ, съ красными воротниками, въ галунахъ, которые брались за ручку дверей и отворяли ее всякому приходившему, хотя въ «комнатѣ присутствія» насилу могъ уставиться обыкновенный письменный столъ. Приемы и обычаи *значительнаго лица* были солидны и величественны, но немногосложны. Главнымъ основаніемъ его системы была строгость. «Строгость, строгость и—строгость», говаривалъ онъ обыкновенно, и при послѣднемъ словѣ обыкновенно смотрѣлъ очень значительно въ лицо тому, которому говорилъ, хотя, впрочемъ, этому и не было никакой причины, потому что десятокъ чиновниковъ, составлявшихъ весь правительственный механизмъ канцеляріи, и безъ того былъ въ надлежащемъ страхѣ: завидя его издали, оставлялъ уже дѣло и ожидалъ, стоя въ вытяжку, пока начальникъ пройдетъ черезъ комнату. Обыкновенный разговоръ его съ низшими отзывался строгостью и состоялъ почти изъ трехъ фразъ: «Какъ вы смѣете? знаете ли вы, съ кѣмъ говорите? понимаете ли, кто стоитъ передъ вами?» Впрочемъ, онъ былъ въ душѣ добрый человѣкъ, хорошъ съ товарищами, услужливъ; но генеральскій чинъ совершенно сбилъ его съ толку. Получивши генеральскій чинъ, онъ какъ-то спутался, сбился съ пути и совершенно не зналъ, какъ ему быть. Если ему случалось быть съ равными себѣ, онъ былъ еще человѣкъ, какъ слѣдуетъ, — человѣкъ очень порядочный, во многихъ отношеніяхъ даже неглупый человѣкъ; но, какъ только случалось ему быть въ обществѣ, гдѣ были люди хоть однимъ чиномъ пониже его, тамъ онъ былъ, просто, хоть изъ рукъ вонъ: молчалъ, и положеніе его возбуждало жалость тѣмъ болѣе, что онъ самъ даже чувствовалъ, что могъ бы провести время несравненно лучше. Въ

глазахъ его иногда видно было сильное желаніе присоединиться къ какому-нибудь интересному разговору и кружку, но останавливала его мысль: не будетъ ли это ужъ очень много съ его стороны, не будетъ ли фамильярно, и не уронитъ ли онъ чрезъ то своего значенія? И вслѣдствіе такихъ разсужденій онъ оставался вѣчно въ одномъ и томъ же молчаливомъ состояніи, произнося только изрѣдка какіе-то односложные звуки, и пріобрѣлъ такимъ образомъ титулъ скучнѣйшаго человѣка. Къ такому-то *значительному лицу* явился нашъ Акакій Акакіевичъ, и явился во время самое неблагоприятное, весьма некстати для себя, хотя, впрочемъ, кстати для значительнаго лица. Значительное лицо находился въ своемъ кабинетѣ и разговорился очень-очень весело съ однимъ недавно пріѣхавшимъ стариннымъ знакомымъ и товарищемъ дѣтства, съ которымъ нѣсколько лѣтъ не видался. Въ это время доложили ему, что пришелъ какой-то Башмачкинъ. Онъ спросилъ отрывисто: «Кто такой?» ему отвѣчали: «Какой-то чиновникъ». — «А! можетъ подождать, теперь не время», сказала значительный человѣкъ. Здѣсь надобно сказать, что значительный человѣкъ совершенно пригнулъ: ему было время; они давно уже съ пріятелемъ переговорили обо всемъ и уже давно перекладывали разговоръ весьма длинными молчаньями, слегка потрепывая другъ друга по ляжкѣ и приговаривая: «такъ-то, Иванъ Абрамовичъ!» — «этакъ-то, Степанъ Варламовичъ!» но при всемъ томъ, однакоже, велѣлъ онъ чиновнику подождать, чтобы показать пріятелю, человѣку, давно не служившему и зажившемуся дома въ деревнѣ, сколько времени чиновники ждутся у него въ передней. Наконецъ, наговорившись, а еще болѣе намолчавшись вдоволь и выкуривши сигарку, въ весьма покойныхъ креслахъ съ откидными спинками, онъ, наконецъ, какъ будто вдругъ вспомнилъ

и сказалъ секретарю, остановившемуся у дверей съ бумагами для доклада: «Да, вѣдь тамъ стоитъ, кажется, чиновникъ; скажите ему, что онъ можетъ войти». Увидѣвши смиренный видъ Акакія Акакіевича и его старенькій вицмундиръ, онъ оборотился къ нему вдругъ и сказалъ: «что вамъ угодно?» голосомъ отрывистымъ и твердымъ, которому нарочно учился заранѣе у себя въ комнатѣ, въ уединеніи и передъ зеркаломъ, еще за недѣлю до полученія нынѣшняго своего мѣста и генеральскаго чина. Акакій Акакіевичъ уже заблаговременно почувствовалъ надлежащую робость, нѣсколько смутился и, какъ могъ, сколько могла позволить ему свобода языка, изъяснилъ, съ прибавленіемъ даже чаще, чѣмъ въ другое время, частицъ «того», что была-де шинель совершенно новая, и теперь ограбленъ безчеловѣчнымъ образомъ, и что онъ обращается къ нему, чтобъ онъ ходатайствомъ своимъ какъ-нибудь того, списался бы съ г. оберъ-полицеймейстеромъ или другимъ кѣмъ и отыскалъ шинель. Генералу, неизвѣстно почему, показалось такое обхожденіе фамильярнымъ. «Что вы, милостивый государь», продолжалъ онъ отрывисто: «не знаете порядка? Куда вы зашли? Не знаете, какъ водятся дѣла? Объ этомъ вы бы должны были прежде подать просьбу въ канцелярію; она пошла бы къ столоначальнику, къ начальнику отдѣленія, потомъ передана была бы секретарю, а секретарь доставилъ бы ее уже мнѣ...»

«Но, ваше превосходительство», сказалъ Акакій Акакіевичъ, стараясь собрать всю небольшую горсть присутствія духа, какая только въ немъ была, и чувствуя въ то же время, что онъ вспотѣлъ ужаснымъ образомъ: «я, ваше превосходительство, осмѣлился утрудить потому, что секретари того... ненадежный народъ...»

«Что, что, что?» сказалъ значительное лицо: «откуда вы набрались такого духу? Откуда вы мыслей такихъ

набрались? Что за буйство такое распространилось между молодыми людьми противъ начальниковъ и высшихъ!» Значительное лицо, кажется, не замѣтилъ, что Акакію Акакіевичу забралось уже за пятьдесятъ лѣтъ, стало-быть, если бы онъ и могъ назваться молодымъ человѣкомъ, то развѣ только относительно, то-есть, въ отношеніи къ тому, кому уже было за семьдесятъ лѣтъ. «Знаете ли вы, кому это говорите? Понимаете ли вы, кто стоитъ передъ вами? Понимаете ли вы это? Понимаете ли это? я васъ спрашиваю». Тутъ онъ топнулъ ногою, возведя голосъ до такой сильной ноты, что даже и не Акакію Акакіевичу сдѣлалось бы страшно. Акакій Акакіевичъ такъ и обмеръ, пошатнулся, затрясся всѣмъ тѣломъ и никакъ не могъ стоять: если бы не подбѣжали тутъ же сторожа поддержать его, онъ бы шлепнулся на полъ; его вынесли почти безъ движенія. А значительное лицо, довольный тѣмъ, что эффектъ превзошелъ даже ожиданіе, и совершенно упоенный мыслью, что слово его можетъ лишить даже чувствъ человѣка, искоса взглянулъ на пріятеля, чтобы узнать, какъ онъ на это смотритъ, и не безъ удовольствія увидѣлъ, что пріятель его находился въ самомъ неопредѣленномъ состояніи и начиналъ даже съ своей стороны самъ чувствовать страхъ.

Какъ сошелъ съ лѣстницы, какъ вышелъ на улицу,—ничего ужъ этого не помнилъ Акакій Акакіевичъ. Онъ не слышалъ ни рукъ, ни ногъ: въ жизнь свою онъ не былъ еще такъ сильно распеченъ генераломъ, да еще и чужимъ. Онъ шелъ по вьюгѣ, свистѣвшей въ улицахъ, разинувъ ротъ, сбиваясь съ тротуаровъ; вѣтеръ, по петербургскому обычаю, дулъ на него со всѣхъ четырехъ сторонъ, изъ всѣхъ переулковъ. Вмигъ надуло ему въ горло жабу, и добрался онъ домой, не въ силахъ будучи сказать ни одного слова; весь распухъ и слегъ въ постель. Такъ сильно иногда бываетъ надле-

жащее распеканье! На другой же день обнаружилась у него сильная горячка. Благодаря великодушному вспомоществованію петербургскаго климата, болѣзнь пошла быстрѣе, чѣмъ можно было ожидать, и когда

явился докторъ, то онъ, пощупавши пульсъ, ничего не нашелся сдѣлать, какъ только прописать припарку, единственно уже для того, чтобы больной не остался безъ благодѣтельной помощи медицины; а впрочемъ тутъ же объявилъ ему чрезъ полтора сутокъ непремѣнный капуть, послѣ чего обратился къ хозяйкѣ и сказалъ:

«А вы, матушка, и времени даромъ не теряйте, закажите ему теперь же сосновый гробъ, потому что дубовый будетъ для него дорогъ». Слышалъ ли Акакій Акакіевичъ эти произнесенныя роковыя для него слова, а если и слышалъ, произвели ли они на него потрясающее дѣйствіе, пожалѣлъ ли

онъ о горемычной своей жизни, — ничего этого неизвѣстно, потому что онъ находился все время въ бреду и жару. Явленія, одно другого страннѣе, представлялись ему безпрестанно: то видѣлъ онъ Петровича и заказывалъ ему сдѣлать шинель съ какими-то западнями для воровъ, которые чудились ему безпрестанно подъ кроватью, и онъ поминутно призывалъ хозяйку вытащить у него одного вора даже изъ-подъ одѣяла; то спрашивая, зачѣмъ виситъ передъ нимъ старый капоть его, что у него есть новая шинель; то чудилось ему, что онъ стоитъ передъ генераломъ, выслушивая надлежащее распеканье, и приговариваетъ: «Виновать, ваше превосходительство!» то, наконецъ, даже сквернохульничалъ, произнося самыя страшныя слова, такъ что старушка-хозяйка даже кре-

стилась, отъ роду не слыхавъ отъ него ничего подобнаго, тѣмъ болѣе, что слова эти слѣдовали непосредственно за словомъ «ваше превосходительство». Далѣе онъ говорилъ совершенную бессмыслицу, такъ что ничего нельзя было понять; можно было только видѣть, что беспорядочныя слова и мысли вѣрочались около одной и той же шинели. Наконецъ, бѣдный Акакій Акакіевичъ испустилъ духъ. Ни комнаты, ни вещей его не печатавали, потому что, во-первыхъ, не было наслѣдниковъ, а во-вторыхъ, оставалось очень немного на-

слѣдства, именно: пучокъ гусиныхъ перьевъ, дѣсть бѣлой казенной бумаги, три пары носковъ, двѣ-три пуговицы, оторвавшіяся отъ панталонъ, и уже извѣстный читателю капоть. Кому все это досталось, Богъ знаетъ: объ этомъ, признаюсь, даже не интересовался рассказывающій сію повѣсть. Акакія Акакіевича свезли и похоронили. И Петербургъ остался безъ Акакія Акакіевича, какъ будто бы въ немъ его и никогда не было. Исчезло и скрылось существо, никѣмъ не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее

на себя вниманіе и естествонаблюдателя, не пропускающаго посадить на булавку обыкновенную муху и рассмотреть ее въ микроскопъ, — существо, переносившее покорно канцелярскія насмѣшки и безъ всякаго чрезвычайнаго дѣла сошедшее въ могилу, но для котораго

все же таки, хотя передъ самымъ концомъ жизни, мелькнулъ свѣтлый гость въ видѣ шинели, оживившій на мигъ бѣдную жизнь, и на которое такъ же потомъ нестерпимо обрушилось несчастье, какъ обрушивается оно на главы сильныхъ міра сего!.. Нѣсколько дней послѣ его смерти посланъ былъ къ нему на квартиру изъ департамента сторожъ, съ приказаніемъ немедленно явиться: начальникъ-де требуетъ; но сторожъ долженъ былъ возвратиться ни съ чѣмъ, давши отчетъ, что не можетъ больше притти, и на запросъ: «почему?» выразился словами: «Да такъ: ужъ онъ умеръ; четвертаго дня похоронили». Такимъ образомъ узнали въ департаментѣ о смерти Акакія Акакіевича, и на другой день уже на его мѣстѣ сидѣлъ новый чиновникъ, гораздо выше ростомъ и выставлявшій буквы уже не такимъ прямымъ почеркомъ, а гораздо наклоннѣе и косѣе.

Но кто бы могъ вообразить, что здѣсь еще не все объ Акакіи Акакіевичѣ, что суждено ему на нѣсколько дней прожить шумно послѣ своей смерти, какъ бы въ награду за непримѣченную никѣмъ жизнь? Но такъ случилось, и бѣдная исторія наша неожиданно принимаетъ фантастическое окончаніе. По Петербургу пронеслись вдругъ слухи, что у Калинкина моста и далеко подальше сталъ показываться по ночамъ мертвецъ, въ видѣ чиновника, ищущаго какой-то утащенной шинели, и, подъ видомъ стащенной шинели, сдирающій со всѣхъ плечъ, не разбирая чина и званія, всякія шинели: на кошкахъ, на бобрахъ, на ватѣ, енотовыя, лисьи, медвѣжьи шубы, — словомъ, всякаго рода мѣхà и кожи, какія только придумали люди для прикрытія собственной. Одинъ изъ департаментскихъ чиновниковъ видѣлъ своими глазами мертвеца и узналъ въ немъ тотчасъ Акакія Акакіевича; но это внушило ему, однакоже, такой страхъ, что онъ бросился бѣжать со всѣхъ ногъ

и оттого не могъ хорошенько разсмотрѣть, а видѣлъ только, какъ тотъ издали погрозилъ ему пальцемъ. Со

всѣхъ сторонъ поступали безпрестанно жалобы, что спины и плечи, пускай бы еще только титулярныхъ, но даже и надворныхъ совѣтниковъ, подвержены совершенной простудѣ, по причинѣ частаго сдергиванія шинелей. Въ полициі сдѣлано было распоряженіе поймать мертвеца, во что бы то ни стало, живого или мертваго, и наказать его, въ примѣръ другимъ, жесточайшимъ образомъ, и въ томъ едва было даже не успѣли. Именно, будочникъ какого-то квартала, въ Кирюшкиномъ переулкѣ, схватилъ было уже совершенно мертвеца за воротъ

на самомъ мѣстѣ злодѣянія, на покушеніи сдернуть фризую шинель съ какого-то отставнаго музыканта, свиставшаго въ свое время на флейтѣ. Схвативши его за воротъ, онъ вызвалъ своимъ крикомъ двухъ другихъ товарищей, которымъ поручилъ держать его, а самъ полѣзъ только на одну минуту за сапогъ, чтобы вытащить оттуда тавлинку съ табакомъ, освѣжить на время шесть разъ на вѣку примороженный носъ свой; но табакъ, вѣрно, былъ такого рода, котораго не могъ вынести даже и мертвецъ. Не успѣлъ будочникъ, закрывши пальцемъ свою правую ноздрю, потянуть лѣвою полгорсти, какъ мертвецъ чихнулъ такъ сильно, что совершенно забрызгалъ имъ всѣмъ троимъ глаза. Покамѣстъ они поднесли кулаки протереть ихъ, мертвеца и слѣдъ пропалъ, такъ что они не знали даже, былъ

ли онъ, точно, въ ихъ рукахъ. Съ этихъ поръ будочники получили такой страхъ къ мертвецамъ, что даже опасались хватать и живыхъ, и только издали покрикивали: «Эй, ты, ступай своею дорогою!» и мертвецъ-чиновникъ сталъ показываться даже за Калинкинымъ мостомъ, наводя немалый страхъ на всѣхъ робкихъ людей. Но мы, однакоже, совершенно оставили *одно значительное лицо*, которое, по-настоящему, едва ли не былъ причиною фантастическаго направленія, впрочемъ, совершенно истинной исторіи. Прежде всего долгъ справедливости требуетъ сказать, что *одно значительное лицо*, скоро по уходѣ бѣднаго, распеченнаго въ пухъ Акакія Акакіевича, почувствовалъ что-то въ родѣ сожалѣнія. Состраданіе было ему не чуждо; его сердцу были доступны многія добрыя движенія, несмотря на то, что чинъ весьма часто мѣшалъ имъ обнаруживаться. Какъ только вышелъ изъ его кабинета пріѣзжій пріятель, онъ даже задумался о бѣдномъ Акакіи Акакіевичѣ. И съ этихъ поръ почти всякій день представлялся ему блѣдный Акакій Акакіевичъ, не выдержавшій должностнаго распеканья. Мысль о немъ до такой степени тревожила его, что, недѣлю спустя, онъ рѣшился даже послать къ нему чиновника узнать, чтò онъ, и какъ, и нельзя ли въ самомъ дѣлѣ чѣмъ помочь ему; и когда донесли ему, что Акакій Акакіевичъ умеръ скоропостижно въ горячкѣ, онъ остался даже пораженнымъ, слышалъ упреки совѣсти и весь день былъ не въ духѣ. Желая сколько-нибудь развлечься и позабыть неприятное впечатлѣніе, онъ отправился на вечеръ къ одному изъ пріятелей своихъ, у котораго нашель порядочное общество, а чтò всего лучше, всѣ тамъ были почти одного и того же чина, такъ что онъ совершенно ничѣмъ не могъ быть связанъ. Это имѣло удивительное дѣйствіе на душевное его расположеніе. Онъ развернулся, сдѣлался пріятель въ разговорѣ, любезенъ,—

словомъ, провелъ вечеръ очень пріятно. За ужиномъ выпилъ онъ стакана два шампанскаго,—средство, какъ извѣстно, не дурно дѣйствующее въ разсужденіи веселости. Шампанское сообщило ему расположеніе къ разнымъ экстренностямъ, а именно: онъ рѣшилъ не ѣхать еще домой, а заѣхать къ одной знакомой дамѣ, Каролинѣ Ивановнѣ, — дамѣ, кажется, нѣмецкаго происхожденія, къ которой онъ чувствовалъ совершенно пріятельскія отношенія. Надобно сказать, что значительное лицо былъ уже человѣкъ не молодой, хорошей супругъ, почтенный отецъ семейства. Два сына, изъ которыхъ одинъ служилъ уже въ канцеляріи, и миловидная шестнадцатилѣтняя дочь, съ нѣскольکو выгнутымъ, но хорошенькимъ носикомъ, приходили всякій день цѣловать его руку, приговаривая: «*bonjour, papa*». Супруга его, еще женщина свѣжая и даже ничуть не дурная, давала ему прежде цѣловать свою руку и потомъ, переверотивши ее на другую сторону, цѣловала его руку. Но значительное лицо, совершенно, впрочемъ, довольный домашними семейными нѣжностями, нашелъ приличнымъ имѣть для дружескихъ отношеній пріятельницу въ другой части города. Эта пріятельница была ничуть не лучше и не моложе жены его; но такія ужъ задачи бывають на свѣтѣ, и судить объ нихъ не наше дѣло. Итакъ, значительное лицо сошелъ съ лѣстницы, сѣлъ въ сани и сказалъ кучеру: «Къ Каролинѣ Ивановнѣ!» а самъ, закутавшись весьма роскошно въ теплую шинель, оставался въ томъ пріятномъ положеніи, лучше котораго и не выдумаешь для русскаго человѣка, то-есть, когда самъ ни о чемъ не думаешь, а между тѣмъ мысли сами лѣзутъ въ голову, одна другой пріятнѣе, не давая даже труда гоняться за ними и искать ихъ. Полный удовольствія, онъ слегка припоминалъ всѣ веселыя мѣста проведеннаго вечера, всѣ слова, заставившія хохотать небольшой кругъ; многія изъ нихъ онъ

даже повторялъ вполголоса и нашель, что они все такъ же смѣшны, какъ и прежде, а потому не мудрено, что и самъ посмѣивался отъ души. Изрѣдка мѣшалъ ему, однакоже, порывистый вѣтеръ, который, выхватившись вдругъ, Богъ знаетъ откуда и нивѣсть отъ какой причины, такъ и рѣзалъ въ лицо, подбрасывая ему туда клочки снѣга, хлобуча, какъ парусъ, шинельный воротникъ, или вдругъ, съ неестественною силою набрасывая ему его на голову и доставляя такимъ образомъ вѣчныя хлопоты изъ него выкарабкиваться. Вдругъ почувствовалъ значительное лицо, что его ухватилъ кто-то весьма крѣпко за воротникъ. Обернувшись, онъ замѣтилъ человѣка небольшого роста, въ старомъ, поношенномъ вицмундирѣ, и не безъ ужаса узналъ въ немъ Акакія Акакіевича. Лицо чиновника было блѣдно, какъ снѣгъ, и глядѣло совершеннымъ мертвецомъ. Но ужасъ значительнаго лица превзошелъ всѣ границы, когда онъ увидѣлъ, что ротъ мертвеца покривился и, пахнувши на него страшно могилою, произнесъ такія рѣчи: «А, такъ вотъ ты, наконецъ! Наконецъ, я тебя того, поймалъ за воротникъ! Твоей-то шинели мнѣ и нужно! Не хлопоталъ объ моей, да еще и распекъ — отдавай же теперь свою!» Бѣдное *значительное* лицо чуть не умеръ. Какъ ни былъ онъ характеренъ въ канцеляріи и вообще передъ низшими, и хотя, взглянувши на одинъ мужественный видъ его и фигуру, всякій говорилъ:

«У, какой характер!» но здѣсь онъ, подобно весьма многимъ, имѣющимъ богатырскую наружность, почувствовалъ такой страхъ, что не безъ причины даже сталъ опасаться насчетъ какого-нибудь болѣзненнаго припадка. Онъ самъ даже скинулъ поскорѣе съ плечъ шинель свою и закричалъ кучеру не своимъ голосомъ: «Пошелъ во весь духъ домой!» Кучеръ, услышавши голосъ, который произносится обыкновенно въ рѣшительныя минуты и даже сопровождается кое-чѣмъ гораздо дѣйствительнѣйшимъ, упряталъ на всякій случай голову свою въ плечи, замахнулся кнутомъ и помчался, какъ стрѣла. Минуть въ шесть съ небольшимъ, значительное лицо уже былъ предъ подъѣздомъ своего дома. Блѣдный, перепуганный и безъ шинели, вмѣсто того, чтобы къ Каролинѣ Ивановнѣ, онъ пріѣхалъ къ себѣ, дошелся кое-какъ до своей комнаты и провелъ ночь весьма въ большомъ беспорядкѣ, такъ что на другой день поутру, за чаемъ, дочь ему сказала прямо: «Ты сегодня совсѣмъ блѣденъ, папа». Но папа молчалъ и никому ни слова о томъ, что съ нимъ случилось, и гдѣ онъ былъ, и куда хотѣлъ ѣхать. Это происшествіе сдѣлало на него сильное впечатлѣніе. Онъ даже гораздо рѣже сталъ говорить подчиненнымъ: «какъ вы смѣете? понимаете ли, кто передъ вами?» если же и произносилъ, то ужъ не прежде, какъ выслушавши сперва, въ чемъ дѣло. Но еще болѣе замѣчательно то, что съ этихъ поръ совершенно прекратилось появленіе чиновника-мертвеца: видно, генеральская шинель пришлась ему совершенно по плечамъ; по крайней мѣрѣ, уже не было нигдѣ слышно такихъ случаевъ, чтобы сдергивали съ кого шинели. Впрочемъ, многіе дѣятельные и заботливые люди никакъ не хотѣли успокоиться и поговаривали, что въ дальнихъ частяхъ города все еще показывался чиновникъ-мертвецъ. И точно, одинъ коломенскій будочникъ видѣлъ собственными глазами, какъ

показалось изъ-за одного дома привидѣніе; но, будучи по природѣ своей нѣсколько безсиленъ, — такъ что одинъ разъ обыкновенный взрослый поросенокъ, кинувшись изъ какого-то частного дома, сшибъ его съ ногъ, къ величайшему смѣху стоявшихъ вокругъ извозчиковъ, съ которыхъ онъ вытребовалъ за такую издѣвку по грошу на табакъ, — итакъ, будучи безсиленъ, онъ не посмѣлъ остановить его, а такъ шель за нимъ въ темнотѣ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, привидѣніе вдругъ оглянулось и, остановясь, спросило: «Тебѣ чего хочется?» и показало такой кулакъ, какого и у живыхъ не найдешь. Будочникъ сказалъ: «Ничего», да и поворотилъ тотъ же часъ назадъ. Привидѣніе, однакоже, было уже гораздо выше ростомъ, носило преогромные усы и, направивъ шаги, какъ казалось, къ Обухову мосту, скрылось совершенно въ ночной темнотѣ.

